

Энн Райс Мумия, или Рамзес Проклятый

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119800

Мумия, или Рамзес Проклятый: Эксмо, Домино; Санкт-Петербург; 2009

ISBN 978-5-699-35126-8

Аннотация

Однажды, выпив эликсир бессмертия, он превратился в вечного странника и вот уже на протяжении тысячелетий вынужден скитаться по земле, не в силах обрести покой и утолить неумный голод желаний. То погружаясь в спасительный сон, то вновь возвращаясь в мир живых, он становится свидетелем драматических событий новых эпох. Но ни одно из них не способно затмить воспоминания о том, что довелось ему пережить прежде. Ибо он – правитель Древнего Египта. И имя ему – Рамзес Проклятый.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	43
Глава 4	55
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Энн Райс

Мумия, или Рамзес Проклятый

Этот роман посвящаю с любовью: Стэну и Кристоферу Райсам, Гите Мета, подвигнувшей меня на его создание, сэру Артуру Конан Дойлу, сочинившему прекрасные рассказы о мумиях «Экспонат № 249» и «Кольцо Тота», Генри Тайдеру Хаггарду за его бессмертный роман «Она», а также всем, кто вдохнул жизнь в «мумию» в рассказах, романах и фильмах.

Особенно благодарная своему отцу, который не раз уводил меня с разных мистических представлений, ибо я до такой степени боялась «мумии», что, даже стоя в фойе, покрывалась мурашками, едва заслышав зловещую музыку.

Хочу выразить особую признательность Фрэнку Кенигсбергу и Ларри Санитски за их горячую поддержку моей работы над «Мумией» и за их вклад в разработку сюжета.

Часть первая

Глава 1

Вспышки фотокамер на мгновение ослепили его. Как жаль, что он не может прогнать репортеров.

Они толкуются возле него месяцами – с тех самых пор, когда среди этих унылых холмов к югу от Каира были обнаружены первые археологические находки. Как будто они понимали, что происходит. Как будто им было ведомо, что после долгих лет работы Лоуренс Стратфорд наконец-то приблизился к главному открытию своей жизни.

И вот они здесь – со своими аппаратами с надоедливymi вспышками. Они чуть не сбили его с ног, когда он пробирался по грубо высеченной в горе тропинке к письменам, видневшимся на полураскопанной мраморной двери.

Ему показалось, что сумерки слишком уж внезапно сгустились. Он видел буквы, но не мог их различить.

– Самир! – крикнул он. – Посвети!

– Хорошо, Лоуренс.

Сразу же за его спиной зажегся фонарь, и желтый луч высветил каменную плиту. Так и есть, иероглифы – глубоко врезанные в итальянский мрамор, залитые изумительной позолотой. Такой красоты он никогда раньше не видел.

Он почувствовал осторожное прикосновение руки Самира и начал читать вслух:

– «Расхитители могил, убирайтесь прочь от этой гробницы, иначе вы разбудите ее обитателя и гнев его выйдет наружу. Рамзес Проклятый мое имя...»

Он бросил взгляд на Самира. Что бы это могло значить?

– Продолжай, Лоуренс, ты переводишь гораздо быстрее меня, – сказал Самир.

– «...Рамзес Проклятый мое имя. Некогда повелитель Верхнего и Нижнего Египта, покоритель хеттов, строитель храмов, любимец народа, бессмертный страж египетских царей и цариц. В год смерти великой царицы Клеопатры, когда Египет превратился в римскую провинцию, я приговорил себя к вечной тьме. Трепещите, вы, кто позволит лучам солнца проникнуть в эту дверь...»

– Чушь какая-то, – прошептал Самир. – Рамзес Великий правил за тысячу лет до Клеопатры.

– Но эти иероглифы, без сомнения, относятся к эпохе девятнадцатой династии, – возразил Лоуренс. Нетерпеливым движением он отбросил в сторону заслонявший письмена камень. – Взгляни, надпись повторяется – на латыни и на греческом. – Он помолчал, потом быстро прочитал последние три строчки на латыни: – «Предупреждаю: я сплю – так же как спит земля под ночным небом или под снежным покровом. И если меня однажды разбудить, со мной не справиться никому».

Лоуренс молча вглядывался в надписи, снова и снова перечитывая их. Он еле расслышал Самира:

– Не нравится мне это. Как ни крути, похоже на проклятие.

Лоуренс неохотно обернулся и заметил, что подозрительность на лице Самира сменилась страхом.

– Тело Рамзеса Великого покоится в Египетском музее в Каире, – произнес тот.

– Нет, – возразил Лоуренс. Легкая дрожь пробежала по его спине. – В Египетском музее покоится тело, но не Рамзеса! Взгляни на орнамент, на печать! Во времена Клеопатры никто не умел писать древние иероглифы. А эти письмена превосходны и сделаны рукой мастера – и греческие, и латинские.

«Жаль, что здесь нет Джулии», – с грустью подумал Лоуренс. Его дочь Джулия ничегошеньки не боялась. Эту минуту она оценила бы, как никто другой.

Пробираясь по тропинке обратно, расталкивая назойливых репортеров, он чуть не упал. И снова вокруг него замерцали вспышки. Фотографы ринулись к мраморной двери.

– Пусть рабочие продолжают копать! – крикнул Лоуренс. – Я хочу, чтобы они добрались до порога. Сегодня вечером я собираюсь войти в гробницу.

– Лоуренс, не стоит торопиться, – предостерег Самир. – Может, там внутри что-нибудь такое, что лучше не выпускать наружу.

– Ты меня поражаешь, Самир! – Лоуренс не скрывал раздражения. – Десять лет мы рыскали среди этих холмов, надеясь, что нам наконец повезет. Эта дверь была замурована две тысячи лет назад, и с тех пор ни один живой человек не притрагивался к ней.

Разозленный, он прорвался сквозь толпу окруживших его репортеров. Пока эту дверь не откопали, ему необходимо было уединиться в тиши своей палатки. В том возбужденном состоянии, в котором он пребывал, Лоуренс нуждался в своем дневнике, единственном добром советчике. К тому же сейчас он почувствовал, как измучила его дневная жара.

– Леди и джентльмены, пока никаких вопросов, – вежливо сказал Самир. Верный друг, как всегда, защищал Лоуренса от реального мира.

Стратфорд поспешно спускался по неровной тропинке, то и дело подворачивая ногу, морщась от боли и с прищуром поглядывая вниз, вверх мерцающих фонарей, на мрачную красоту освещенных палаток под фиолетовым вечерним небом.

Скоро он добрался до спасительной зоны своего походного стола и стула. Только одно расстроило его – взгляд стоявшего поодаль и наблюдавшего за ним племянника Генри. Генри – такого неуместного и нелепого здесь, в Египте, такого жалкого в своем вычурном белом полотняном костюме. Генри – с неизменным стаканом шотландского виски в руке, с прилипшей к губе неизменной сигарой.

Несомненно, Маленка была с ним, эта женщина из Каира, исполнительница танца живота, которая отдавала британскому джентльмену все заработанные деньги.

Лоуренс и так никогда не забывал о Генри, но то, что сейчас племянник путался под ногами, просто выводило его из себя.

В благополучной жизни Лоуренса Генри оказался единственным настоящим разочарованием – человек, не интересующийся никем и ничем, кроме игорного стола и бутылки.

Полноправный наследник стратфордских миллионов, которому нельзя было доверить даже банкноту в один фунт.

И снова острая боль пронзила Лоуренса – так он скучал по своей Джулии, любимой дочери. Ей следовало находиться здесь, и она была бы здесь, если бы жених не уговорил Джулию остаться дома.

Генри приехал в Египет за деньгами. Он привез Лоуренсу на подпись бумаги своей компании. А отец Генри, Рэндольф, послал его с этой мрачной миссией, как всегда, от отчаяния – он был не в состоянии покрыть долги сына.

«Прекрасная парочка! – мрачно подумал Лоуренс. – Бездельник и председатель правления „Судоходной компании Стратфорда“, который всю транжирит прибыль компании, чтобы наполнить бездонный карман своего сынка».

На самом деле Лоуренс прощал брату все. Лоуренс не просто передал ему семейный бизнес. Он спихнул его на Рэндольфа, со всеми обязанностями и огромными хлопотами, так чтобы сам он, Лоуренс, мог проводить оставшиеся годы, копаясь в египетских развалинах, которые он столь любил.

Если уж быть совсем справедливым, Рэндольф здорово поработал на развивающуюся «Судоходную компанию Стратфорда». И так продолжалось до тех пор, пока сынок не превратил его в растратчика и вора. Но и сейчас Рэндольф пошел бы на все, чтобы замять конфликт. А Лоуренс был слишком эгоистичен, чтобы какой-либо конфликт допустить. Он ни за что бы не променял Египет на пыльные лондонские конторы. Даже Джулия не смогла бы уговорить его вернуться домой.

И вот Генри торчит здесь и ждет своего часа. А Лоуренс прошел мимо него в палатку, торопливо пододвинул стул к столу и вытащил из ящика обтянутую кожей тетрадь – дневник, который берег, возможно, именно ради этого открытия. Он поспешно по памяти воспроизвел на бумаге надпись, сделанную на двери, и записал возникшие вопросы.

Рамзес Проклятый... Лоуренс откинулся назад, вглядываясь в это имя. И теперь его тоже охватило предчувствие, которое повергло в шок Самира.

Что бы все это могло значить?

Полпервого ночи. Может, это ему снится? Мраморная дверь гробницы осторожно снята, сфотографирована и помещена на козлы в его палатке. И теперь можно зайти внутрь. Гробница! Наконец-то!

Лоуренс кивнул Самире и почувствовал, как волна возбуждения прокатилась по толпе. Вспышки погасли, Лоуренс зажал уши руками, но все равно взрыв застал всех врасплох. У Стратфорда засосало под ложечкой.

Ладно, надо спешить. В руке у него был фонарь, и он собрался войти внутрь, хотя Самир сделал еще одну попытку остановить его:

– Лоуренс, там может быть западня, там могут быть...

– Уйди с дороги.

Он закашлялся от пыли. Глаза слезились.

Лоуренс протянул фонарь к зияющему отверстию входа. Стены украшены удивительными иероглифами – опять, без сомнения, в стиле эпохи девятнадцатой династии.

Наконец он ступил внутрь. Как здесь холодно! И запах! Потрясающий запах, восхитительный аромат столетий!

Сердце билось слишком быстро, кровь прилила к лицу, он снова закашлялся – журналисты, напирая сзади, поднимали клубы пыли.

– Назад! – сердито крикнул Лоуренс.

Вокруг него снова засверкали блики вспышек. В их свете почти не виден был потолок, расписанный крошечными звездочками.

Вот он, длинный стол, заставленный алебастровыми кувшинами и шкатулками. Груды свитков папируса. О господи, одно это свидетельствует о том, что сделано важное открытие!

– Но это не гробница, – прошептал Лоуренс. Здесь был покрытый тонким слоем пыли письменный стол, похожий на стол ученого, и казалось, что хозяин вышел из-за него совсем недавно. На столе находились заостренные перья, развернутый папирус и бутылочка с чернилами. Рядом стоял бокал.

Но бюст, мраморный бюст, несомненно, был греко-романского происхождения: женщина с густыми волнистыми волосами, охваченными обручем, с удлинненным разрезом полузакрытых глаз, которые казались незрячими. На подставке высечено имя:

КЛЕОПАТРА.

– Невероятно, – услышал он голос Самира. – Взгляни, Лоуренс, там, кажется, мумия.

Лоуренс уже увидел ее. Он безмолвно смотрел на саркофаг, покоившийся в самом центре этого кабинета, этой библиотеки с грудями папирусных свитков и с запыленным письменным столом.

Самир приказал фотографам отойти назад. Чадающие вспышки сводили Лоуренса с ума.

– Убирайтесь, вы все, убирайтесь! – рявкнул Лоуренс. Ворча, репортеры отступили за дверь, оставив двоих мужчин в оглушающей тишине. Первым заговорил Самир:

– Мебель римская. Это Клеопатра. Посмотри, Лоуренс, на столе монеты с ее изображением, новые, свежей чеканки. Вот эти, в стороне, сохранились чуть хуже.

– Знаю. Но здесь лежит древний фараон, мой друг. Каждая деталь саркофага так же хороша, как: у любого другого, когда-либо найденного в Долине царей.

– Но главного гроба нет, – возразил Самир. – Почему?

– Это не гробница, – ответил Лоуренс.

– Значит, царь пожелал, чтобы его похоронили здесь. – Самир подошел к саркофагу с мумией, высоко подняв фонарь и осветив прекрасно нарисованное лицо с глазами, обведенными черными линиями, и изящно очерченными губами.

– Готов поклясться, что это римский период, – сказал он.

– Но стиль...

– Лоуренс, слишком уж жизненно. Это римский художник, который превосходно симитировал стиль девятнадцатой династии.

– Но как же это могло случиться, мой друг?

– Проклятье! – прошептал Самир, словно не услышав вопроса.

Он смотрел на ряды иероглифов, которые окружали нарисованную фигуру. Греческие письмена появлялись ниже, а по самому краю шла латынь.

– «Не трогай останки Рамзеса Великого», – прочитал Самир. – Одно и то же на трех языках. Этого достаточно, чтобы остановить мало-мальски разумного человека.

– Пусть я буду неразумным, – ответил Лоуренс. – Позови сюда рабочих, пусть немедленно снимут крышку.

Пыль понемногу осела. Факелы, вставленные в древние настенные подсвечники, коптели потолок, но об этом он побеспокоится чуть позже.

А сейчас надо взглянуть на спеленутого погребенного. Саркофаг приставили к стене, а тонкую деревянную крышку осторожно поставили справа от него.

Лоуренс больше не замечал толпу у входа, молча взирающую на него и его находку. Он медленно поднял нож и полоснул по грубой оболочке из высушенного временем полотна, которое тут же лопнуло и обнажило туго спеленутую человеческую фигуру.

Репортеры дружно ахнули. Опять засверкали вспышки. Лоуренс физически ощущал безмолвие Самира. Они оба разглядывали худое лицо под желтоватыми полотняными бинтами и тощие руки, покойно скрещенные на груди.

Один из фотографов взмолился, чтобы его впустили в помещение. Самир сердито потребовал тишины. Все происходившее вокруг, в том числе и эти досадные помехи, Лоуренс воспринимал словно в тумане.

Он пристально разглядывал иссохшую фигуру в пеленах цвета темного пустынного песка. Ему казалось, что он может сквозь ткань разглядеть черты изможденного лица, что он видит выражение умиротворения в очертаниях крепко сжатых тонких губ.

Каждая мумия была загадкой. Каждая высушенная и сохраненная форма являла собой ужасный образ жизни в смерти. Он всегда смотрел на египетских мертвецов с внутренним трепетом. Сейчас же, при виде этого загадочного существа, называвшего себя Рамзесом Проклятым, Рамзесом Великим, Лоуренс испытывал странное возбуждение.

Горячая волна захлестнула его. Он придвинулся ближе и сделал еще один надрез на наружной пелене. Самир за его спиной выталкивал фотографов – существовала опасность заражения. *Да, уходите, пожалуйста, все уходите отсюда.*

Лоуренс протянул руку и дотронулся до мумии, лишь слегка, кончиками пальцев. Удивительное ощущение упругости! Наверное, время размягчило толстый слой полотна.

Он снова посмотрел на худое лицо, на выпуклые веки и мрачно сжатые губы.

– Джулия, – прошептал он. – О моя дорогая, если бы только ты видела...

Бал в посольстве. Те же знакомые лица, тот же всегдашний оркестр, сладкий напев знакомого вальса. Свет люстр ослеплял Эллиота Саварелла; у шампанского был кислый привкус. И все же он залпом осушил бокал, а потом встретился взглядом с пробегающим официантом. Да, еще один. И еще. А лучше бы хорошего бренди или виски.

Но ведь они сами хотели, чтобы он появился здесь, так ведь? Неужели без графа Рутерфорда тут что-нибудь изменилось бы? Граф Рутерфорд был необходимым предметом антуража – как роскошные цветочные композиции, как тысячи тысяч канделябров, как икра и серебро, как старики музыканты, устало пиликающие на своих скрипочках для танцующей молодежи.

У каждого находилось теплое слово для графа Рутерфорда. Всем хотелось видеть графа Рутерфорда на свадьбе дочери, или на вечернем чаепитии, или на таком же, как этот, балу. И не важно, что Эллиот и его жена крайне редко принимали у себя в лондонских домах или в загородном поместье в Йоркшире, – тем более что Эдит теперь вообще подолгу жила в Париже с овдовевшей сестрой. Семнадцатый граф Рутерфорд был редкой птицей. Его родословная – так или иначе – велась от самого Генриха VIII.

Почему он не разрушил все давным-давно, спрашивал себя Эллиот. И вообще, как он умудрился очаровать стольких людей, которые в лучшем случае вызывали у него лишь мимолетный интерес?

Нет, это не совсем так. Некоторых он на самом деле любил, хотелось ему в том признаваться или нет. Он любил своего старого друга Рэндольфа Стратфорда, он очень любил Лоуренса, брата Рэндольфа. Он очень любил Джулию Стратфорд, и ему нравилось смотреть, как она танцует с его сыном. Эллиот и пришел сюда только ради своего сына. Конечно же, Джулия вовсе не собирается выходить замуж за Алекса. Во всяком случае, не в ближайшее время. Но для Алекса этот брак – единственная надежда получить деньги на достойное содержание обширных поместий, которые он в будущем унаследует, и обеспечить себе благосостояние, которое должно сопутствовать древнему титулу.

Печально только одно: Алекс влюблен в Джулию. На самом деле деньги не имеют никакого значения для них обоих. Планы на будущее строит, как водится, только старшее поколение.

Эллиот перегнулся через позолоченные перила, взглядываясь в грациозно кружащиеся в танце пары, и на мгновение заставил себя отключиться от гула голосов и вслушаться в сладкую мелодию вальса.

Но тут снова заговорил Рэндольф Стратфорд. Он уверял Эллиота, что на Джулию надо лишь оказать легкое давление. Стоит Лоуренсу замолвить словечко, его дочь тут же даст согласие.

– Дадим шанс Генри, – повторил Рэндольф. – Он всего неделю в Египте. Если Лоуренс возьмет инициативу в свои руки...

– Но зачем это Лоуренсу? – спросил Эллиот.

Молчание.

Эллиот знал Лоуренса лучше, чем Рэндольф. Эллиот и Лоуренс. Никому на свете не было известно, что именно связывало этих мужчин. Давным-давно в Оксфорде, во времена беззаботной юности, они были любовниками, а через год после окончания колледжа провели вместе целую зиму на юге от Каира, в плавучем домике на Ниле. Потом жизнь, естественно, разлучила их. Эллиот женился на Эдит Кристиан, богатой американской наследнице. Лоуренс превратил «Судоходную компанию Стратфорда» в настоящую империю.

Но их дружба не прерывалась. Много раз они проводили отпуск вдвоем в Египте. Они по-прежнему могли ночами напролет болтать об археологических находках, об истории, о древних развалинах, о поэзии – да вообще о чем угодно. Эллиот был единственным человеком, который по-настоящему понимал, почему Лоуренс удалился от дел и уехал в Египет. Эллиот завидовал ему. И тогда же между ними произошла первая размолвка. Ранним утром, когда винные пары улетучились, Лоуренс обозвал Эллиота трусом – из-за того, что тот остается жить в Лондоне, в мире, который не стоит для него ломаного гроша и не приносит никакой радости. Эллиот в ответ назвал Лоуренса слепцом и тупицей. Ведь Лоуренс богат – такое богатство Эллиоту и не снилось. И к тому же Лоуренс вдовец, и дочь у него умная, с независимым характером. А у Эллиота жена и сын, которые ежедневно нуждаются в его помощи: он должен постоянно заботиться о поддержании приличествующего их положению уровня жизни.

– Я хочу сказать, – упорствовал Рэндольф, – если Лоуренс захочет, чтобы эта свадьба состоялась...

– И захочет расстаться с крошечной суммой в двадцать тысяч фунтов? – перебил его Эллиот. Вопрос был произнесен мягким и вежливым тоном, но все равно прозвучал грубовато. Однако это не остановило Эллиота. – Через неделю Эдит вернется из Франции. Она обязательно заметит, что ожерелья нет. Ты знаешь, она всегда все замечает.

Рэндольф не ответил.

Эллиот негромко засмеялся, но не над Рэндольфом, и даже не над самим собой. И уж конечно, не над Эдит, у которой было не намного больше денег, чем у Эллиота; к тому же львиная их доля вложена в столовое серебро и драгоценности.

Возможно, Эллиот засмеялся потому, что музыка настроила его на легкомысленный лад; а может, он растрогался при виде Джулии Стратфорд, танцующей с его Алексом. А может, потому, что ему уже надоело изъясняться эвфемизмами и полунамекками. Умение быть дипломатичным покинуло его вместе с жизненной стойкостью и ощущением незыблемости бытия, которыми он наслаждался в юности.

Теперь же с каждой новой зимой его суставы слабели все больше и больше; он уже не мог пройти и полумили, чтобы не начать задыхаться от сильной боли в груди. Что с того, что в пятьдесят пять лет волосы его совсем побелели – он знал, что это его не портит. Расстраивало – тайно и глубоко – другое: он не мог ходить без трости. И это было только началом тех «радостей», что ожидали его впереди.

Старость, слабость, беспомощность... Хорошо бы Алекс женился на миллионах Стратфордов, хорошо бы он сделал это поскорее!

Внезапно он почувствовал усталость и какое-то беспокойство. Легкие, веселые мелодии начали раздражать. Вообще-то, он безумно любил Штрауса, но сейчас музыка заставила его волноваться.

Ему захотелось объяснить Рэндольфу, что он, Эллиот, давным-давно совершил непротительную ошибку. Что-то сломалось в те долгие египетские ночи, когда они с Лоуренсом бродили по узким улочкам Каира, когда, хмельные, ругались в каюте катера Лоуренс ухитрился прожить свою жизнь подвижником; он совершал поступки, на которые другие люди просто не способны. Эллиот же плыл по течению. Лоуренс сбежал в Египет, в пустыню, к храмам, к тем ясным звездным ночам.

О боже, как же он соскучился по Лоуренсу! За последние три года они обменялись всего лишь стопкой писем, но их взаимопонимание от этого не ослабело.

– Генри взял с собой кое-какие бумаги, – сказал Рэндольф, – небольшую часть фамильных акций. – Глаза у него были настороженные, очень настороженные.

И снова Эллиот чуть не расхохотался.

– Если все пойдет так, как мне хотелось бы, – продолжал Рэндольф, – я выплачу тебе все, что задолжал. Даю слово, что не пройдет и шести месяцев, как эта свадьба состоится.

Эллиот улыбнулся:

– Рэндольф, свадьбы может и не быть. К тому же не факт, что это решит наши с тобой проблемы.

– Не говори так, старина.

– Но мне нужно получить эти двадцать тысяч фунтов до того, как вернется Эдит.

– Конечно же, Эллиот, конечно.

– Знаешь, ты должен раз и навсегда сказать своему сыну «нет».

Рэндольф глубоко вздохнул. Эллиот не стал продолжать. Как никто другой, он знал, что Генри портится день ото дня, что дальше шутить с этим нельзя. Переходный возраст позади, парню давно пора перебеситься. Но Генри Стратфорд всегда был таким, с гниловатым нутром. А Рэндольф человек неплохой. Это трагедия. И Эллиот, горячо любивший своего собственного сына, сочувствовал Рэндольфу.

Опять слова, целый водопад слов... «Ты получишь свои двадцать тысяч фунтов». Но Эллиот не слушал. Он снова смотрел на танцующие пары – на своего послушного, добродетельного сына, который страстно нашептывал что-то Джулии, хранившей на лице неизменное выражение упрямой решительности, причин которой Эллиот никогда толком не мог понять.

Некоторым женщинам нужно улыбаться, чтобы казаться привлекательными. Некоторым женщинам лучше поплакать. Но Джулия излучала очарование, когда была серьезна, – может, благодаря ласковым карим глазам, изгибу губ, не таившему никакого лукавства, нежным и гладким, как фарфор, щекам.

Гордая, пылающая решимостью, она была неотразима. А Алекс, со всем своим жениховством, со своей навязчивой страстностью, казался рядом с ней не более чем партнером по танцу – одним из тысячи элегантных молодых людей, которые могли бы точно так же вести ее в вальсе по мраморному полу.

Это был вальс Штрауса «Утренние газеты», и Джулия любила его. Она всегда любила его. И сейчас ей вспомнилось, как когда-то она танцевала этот вальс со своим отцом. Тогда они привезли домой первый граммофон и вальсировали в египетском зале, и в библиотеке, и в гостиных – она и ее отец; танцевали до тех пор, пока сквозь жалюзи не пробился первый утренний свет и отец не сказал:

– Хватит, дорогая. Больше не могу.

Сейчас музыка убаюкивала, навевала грусть. Алекс все говорил и говорил, как он любит ее, а у Джулии в душе зрел страх – она боялась сказать что-нибудь резкое.

– Если ты хочешь жить в Египте, – с придыханием говорил Алекс, – и раскапывать мумий со своим отцом, ну что ж, мы поедем в Египет. Мы поедем туда сразу же после свадьбы. А если ты захочешь вести кочевую жизнь, я разделю ее с тобой.

– Ну да, – ответила Джулия, – это ты сейчас так думаешь. Я знаю, ты говоришь от чистого сердца, но, Алекс, пока я просто не готова. Я не могу.

Невозможно видеть его жгучее нетерпение. И так же невозможно обидеть его. Ведь Алекс в отличие от многих других не был ни расчетлив, ни хитер, ни коварен. Он стал бы интереснее, будь в нем хоть какой-нибудь, хоть маленький порок. Высокий, стройный, темноволосый, он слишком походил на ангела. В его живых карих глазах светилась простая, наивная душа. В свои двадцать пять лет он был нетерпеливым и невинным мальчишкой.

– Неужели тебе нужна жена-суфражистка? – спросила она. – Ученая мымра? Ты ведь знаешь, что я мечтаю стать исследователем, археологом. Мне хотелось бы оказаться сейчас в Египте, с отцом.

– Дорогая, мы поедем туда. Только сначала давай поженимся.

Он наклонился, словно собираясь поцеловать ее, но она отступила на шаг. Вальс закружил их так быстро, что на какое-то мгновение Джулии стало легко и весело, будто она на самом деле была влюблена.

– Ну что мне сделать, чтобы покорить тебя, Джули? – прошептал Алекс ей в ухо. – Я перетащу пирамиды в Лондон.

– Алекс, ты давным-давно покорил меня, – улыбаясь, сказала Джулия.

Но ведь она лжет! В этом было что-то ужасное: чарующая музыка с ее захватывающим ритмом – и отчаяние на лице Алекса.

– Дело в том, что... Я не хочу выходить замуж. Во всяком случае, пока. А может быть, вообще не захочу.

Алекс промолчал. Она была слишком резка, слишком упряма. Джулия знала за собой эти внезапные приступы упрямства. А он вел себя как джентльмен. Она обидела его, но он снова улыбнулся, и его улыбка, полная любви и самоотверженности, растрогала Джулию и заставила погрузнеть еще больше.

– Алекс, отец вернется через несколько месяцев. Тогда и поговорим. О женитьбе, о будущем, о правах женщин, замужних и незамужних, и о том, что ты заслуживаешь большего, чем жизнь с независимой женщиной, из-за которой ты, скорее всего, уже через год поседеешь и от которой сбежишь в объятия старомодной любовницы.

– Как же ты любишь удивлять! – сказал он. – И как мне нравится, когда меня удивляют.

– Неужели на самом деле нравится?

И тут Алекс все-таки поцеловал ее. Они остановились в середине танцевального зала, а другие пары продолжали кружиться под плачущую, печальную музыку. Он поцеловал ее, и Джулия, уступив, не сопротивлялась, словно любить Алекса было ее долгом. Хоть в чем-то она должна была уступить.

И не важно, что на них смотрели. И не важно, что его руки дрожали, когда он обнимал ее.

Важно было только одно: хотя Джулия очень любила его, этого ей было мало.

Похолодало. Снаружи доносился шум – рев моторов подъезжающих машин, крики осла, да в придачу пронзительный смех американки, которая, узнав о находке, сразу же приехала из Каира.

Лоуренс и Самир сидели на походных стульчиках за древним письменным столом. Перед ними лежал папирус. Стараясь не повредить хрупкий свиток, Лоуренс поспешно записывал перевод в свой обтянутый кожей дневник. То и дело он поглядывал через плечо на мумию великого царя, которая выглядела так, словно владыка просто спал.

Рамзес Бессмертный! Эта идея вдохновляла Лоуренса. Он знал, что не уйдет из странного каменного зала до рассвета.

– Должно быть, это мистификация, – сказал Самир. – Рамзес Великий, тысячелетие охраняющий царскую фамилию Египта? Любовник Клеопатры?

– О, в этом есть нечто грандиозное, – произнес Лоуренс. Он отложил на минуту ручку и посмотрел на папирус. Как же болят глаза! – Если бессмертный мужчина решился на погребение из-за женщины, этой женщиной могла быть только Клеопатра.

Он взглянул на стоящий перед ним мраморный бюст и любовно погладил Клеопатру по гладкой белой щеке. Да, Лоурен смог поверить в это. Клеопатра, возлюбленная Юлия Цезаря и Марка Антония; Клеопатра, противостоявшая попыткам римлян завоевать Египет дольше, чем это было возможно; Клеопатра, последняя правительница Древнего Египта... Ну да ладно... Ему надо закончить перевод.

Самир встал и устало потянулся. Лоуренс увидел, что он направился к мумии. Что он делает? Изучает намотанную на пальцы ткань, рассматривает бриллиантовое кольцо со скарабеем, столь отчетливо виднеющееся на правой руке? «А ведь оно принадлежит девятнадцатой династии, – подумал Лоуренс, – и никто не сможет это опровергнуть».

Лоуренс закрыл глаза и мягко помассировал веки. Потом снова сосредоточил взгляд на папирусе.

– Послушай, Самир, этот парень поражает меня. Такое смешение языков озадачит любого. А его философские воззрения так же современные, как и мои. – Он потянулся за более древним документом, который прочитал раньше. – Мне бы хотелось, чтобы ты внимательно изучил его. Это не что иное, как письмо Клеопатры к Рамзесу.

– Мистификация, Лоуренс. Милая шуточка Рима.

– Нет, мой друг, ничего подобного. Она написала это письмо из Рима, после того как был убит Цезарь. Она сообщила Рамзесу, что возвращается домой, к нему, в Египет.

Лоуренс отложил письмо в сторону. Когда у Самира будет время, он своими глазами увидит, что содержится в документе. Весь мир узнает об этом.

Стратфорд вернулся к древним папирусам.

– Послушай, Самир, вот последние размышления Рамзеса «Римлян нельзя осуждать за завоевание Египта: в конце концов, нас победило само время. Но никакие чудеса нынешнего храброго нового века не способны отвлечь меня от моего горя; я до сих пор не могу излечить свой сердечный недуг; и душа моя страдает; душа вянет, как цветок без солнца».

Самир все еще смотрел на мумию, разглядывая кольцо.

– Новое упоминание солнца. Снова и снова солнце. – Он обернулся к Лоуренсу: – Но неужели ты веришь в то...

– Самир, коли уж ты веришь в проклятие, почему бы тебе не поверить в бессмертие?

– Лоуренс, ты меня разыгрываешь. Я, друг мой, видел, как сбывались многие проклятия. Но бессмертный человек, который жил в Афинах при Перикле, в Риме во времена Республики и в Карфагене при Ганнибале? Человек, который преподавал Клеопатре историю Египта? Это не укладывается ни в какие рамки.

– Послушай, Самир: «Ее красота покорила меня навеки; так же как ее смелость и легкомыслие; так же как ее любовь к жизни, которая казалась просто нечеловеческой – столь сильна она была».

Самир не ответил. Он снова уставился на мумию, словно она чем-то притягивала его. Лоуренс прекрасно понимал почему, так что спокойно вернулся к чтению папируса – ему надо было завершить основную работу.

– Лоуренс, эта мумия не живет тех, которых я видел в музее. Этот человек был сказочником. Несмотря на кольцо.

– Да, я очень внимательно рассмотрел его – это печатка Рамзеса Великого. Значит, перед нами не просто сказочник, а собиратель древностей. Ты хочешь, чтобы я в это поверил?

Во что же на самом деле верил Лоуренс? Он откинулся на парусиновую спинку походного стульчика и еще раз оглядел странный зал. Потом снова начал переводить вслух:

– «Итак, я удалился в эту уединенную залу; отныне моя библиотека станет гробницей. Мои слуги омоют мое тело и запеленают его в погребальные ткани по давно забытому обычаю моего времени. Но ни один нож не притронется ко мне. И могильщики не вырежут сердце и мозг из моего бессмертного тела».

Внезапный восторг захлестнул Лоуренса – или это было состояние, когда сон становится явью? Ему показалось, что он услышал голос живого человека – он ощутил присутствие личности, а ведь у древних египтян не существовало понятия личности. Ну конечно же этот человек бессмертен...

Эллиот пьянел, но никто этого не замечал. Кроме самого Эллиота, который, поднявшись до половины пролета, прислонился к позолоченным перилам в несвойственной для него небрежной позе. Во всех его жестах и движениях всегда был стиль, но сейчас он плевать хотел на стиль, прекрасно зная, что никто ничего не заметит, никто не будет оскорблен в лучших чувствах.

Ну и жизнь! Сплошные проблемы. Какой кошмар! Ну почему он должен думать об этой женитьбе, должен обсуждать эту женитьбу, должен участвовать в этом грустном спектакле, который разыгрывал его сын, явно потерпевший поражение. Вот сейчас, насмотревшись, как Джулия танцует с другим, Алекс подходил к мраморным ступеням.

– Прошу тебя, поверь мне, – говорил Рэндольф. – Я гарантирую, что свадьба состоится. Просто нужно немного подождать.

– Надеюсь, ты не думаешь, что мне доставляет удовольствие давить на тебя? – спросил Эллиот. Язык совсем не ворочался, распух. Здорово он напился! – Мне гораздо приятнее жить во сне, Рэндольф, в мире грез, где денег просто не существует. Но дело в том, что мы не можем позволить себе предаваться мечтам – ни ты, ни я. Этот брак важен для нас обоих.

– Тогда я поеду сам повидаться с Лоуренсом.

Эллиот обернулся и увидел сына – тот стоял в нескольких шагах от них, как школьник, вежливо ожидающий, пока взрослые обратят на него внимание.

– Папа, я чертовски нуждаюсь в утешении, – произнес Алекс.

– Тебе нужно быть посмелее, парень, – резко сказал Рэндольф. – Только не говори, что опять получил отказ.

Алекс взял у проходившего мимо официанта бокал шампанского.

– Она любит меня. Или не любит, – тихо сказал он. – Дело-то в том, что я просто не могу жить без нее. Она сводит меня с ума.

– Конечно не можешь, – добродушно усмехнулся Эллиот. – Ну так взгляни. Эти неуклюжие молодые люди постоянно наступают ей на ноги. Уверен, она страшно обрадуется, если ты придешь ей на помощь.

Алекс кивнул, не заметив, что отец взял у него наполовину опустошенный бокал и одним залпом допил шампанское. Он распрямил плечи и снова ринулся в зал. Замечательное зрелище.

– Поразительно то, – шепотом проговорил Рэндольф, – что она на самом деле любит его. Всегда любила.

– Да, но она очень похожа на своего отца. Больше всего она любит свободу. И честно говоря, я ее не осуждаю. Она сильнее Алекса. И все-таки он сделает ее счастливой. Я уверен в этом.

– Конечно.

– И она принесет ему счастье. Только она, и никто другой.

– Чепуха, – возразил Рэндольф. – Любая лондонская девица душу дьяволу продаст – только бы ей выпала честь осчастливить Алекса. Восемнадцатый граф Рутерфорд.

– Неужели это на самом деле так важно? Наши титулы, наши деньги, бесконечное подержание нашего расфуфыренного и скучного мирка? – Эллиот оглядел зал. Наступила та прозрачная и опасная стадия опьянения, когда все вокруг становится расплывчатым; когда каждое зернышко мрамора обретает некий смысл; когда вполне возможны оскорбительные речи. – Иногда я удивляюсь, почему я здесь, а не в Египте, с Лоуренсом. И почему бы Алексу не одолжить свой восхитительный титул кому-нибудь другому?

Он заметил ужас в глазах Рэндольфа Господи, что такое титул для этих коммерсантов, у которых есть все, кроме титула? Благодаря своему титулу Алекс мог все-таки обрести власть над Джулией и над миллионами Стратфордов. Но при этом сам Алекс находился во власти титула. Титул – это свидетельство о принадлежности к аристократии. Титул – это толпы племянников и племянниц, шатающихся по старому рутерфордскому поместью в Йоркшире, это жалкий Генри Стратфорд, направо и налево торгующий знакомством с тобой.

– Мы еще не потерпели окончательного поражения, Эллиот, – сказал Рэндольф. – И мне очень нравится этот декоративный скучный мирок. А что еще есть у нас, если вдуматься?

Эллиот улыбнулся. Пара глотков шампанского – и он расскажет Рэндольфу, что он мог бы...

– Я люблю тебя, прекрасный англичанин, – сказала Маленка.

Она поцеловала его, потом помогла развязать галстук. От мягкого прикосновения ее пальцев по шее сзади пробежала дрожь.

О женщины, какие же они милые глупышки, подумал Генри Стратфорд. А эта египтянка – само очарование. Темнокожая профессиональная танцовщица, тихая и безответная красавица, с которой он мог вытворять все, что хотел. С английской проституткой никогда не чувствуешь себя так вольготно.

Он уже видел себя обосновавшимся в какой-нибудь восточной стране, с такой вот женщиной, свободным от английской чопорности. И это сбудется – как: только ему повезет за игорным столом. Чтобы стать богатым, ему нужен всего один хороший выигрыш.

Но сейчас ему предстояло заняться одним важным делом. За вчерашний вечер толпа возле обнаруженной гробницы увеличилась вдвое. Его задачей было поймать дядю Лоуренса до того, как с ним встретятся люди из музея и представители властей, – поймать его именно сейчас, когда он согласится на все, что угодно, лишь бы племянник оставил его в покое.

– Пошли, дорогая.

Он поцеловал Маленку и стал смотреть, как она облачается в темное восточное одеяние и поспешно идет к ожидающей их машине. Как же она радуется любой мелочи, любому атрибуту западной роскоши! Да, очень приятная женщина. Не то что Дейзи, его лондонская любовница, испорченное, капризное существо. Хотя она тоже возбуждает его – может быть, как раз из-за того, что всегда чем-то недовольна.

Он глотнул напоследок шотландского виски, взял свой кожаный портфель и вышел из палатки.

Народу было видимо-невидимо. Всю ночь его будили гудки подъезжающих автомобилей и возбужденные голоса. Воздух раскалился, в туфли сразу же набился песок.

Как он ненавидит Египет! Как ему ненавистны эти палаточные лагеря в пустыне, и эти грязные арабы, разъезжающие на верблюдах, и эти ленивые темнокожие слуги! Как ему ненавистен весь дядюшкин мир!

Здесь же торчал Самир, этот наглый дядюшкин подручный, который воображает, что он ровня Лоуренсу. Он приводил в чувство тупых репортеров. Неужели это на самом деле гробница Рамзеса Второго? Даст ли Лоуренс интервью?

Генри было плевать на всех. Он растолкал парней, охранявших вход в гробницу.

– Извините, мистер Стратфорд, – окликнул его из-за спины Самир, на которого наступала женщина-репортер. – Оставьте своего дядю в покое. – Самиму удалось пробиться поближе к Генри. – Пусть он насладится своей находкой.

– И не подумаю.

Он свирепо взглянул на охранника, загородившего вход. Тот отступил. Самир отвернулся, сдерживая натиск репортеров. Кто там собирается проникнуть в гробницу? Им хотелось знать все.

– Я по семейному делу, – холодно сказал Генри, обращаясь к женщине, которая попыталась проскользнуть вместе с ним.

Охранник перегородил ей дорогу.

Так мало времени осталось! Лоуренс отложил ручку, вытер лоб, аккуратно свернул носовой платок и сделал еще одну краткую запись:

Блестящая идея – спрятать эликсир среди смертоносных ядов. Самое надежное место хранения для снадобья, дающего бессмертие, – пузырьки с ядами, несущими смерть. Подумать только, это ее яды – те самые, которые Клеопатра пробовала, перед тем как решила принять смерть от ядовитого асида.

Лоуренс остановился, снова вытер лоб. Здесь уже слишком жарко. Еще несколько коротких часов – и сюда нагрянут, попросят освободить гробницу для музейных работников. Как жаль, что он связан с музеем. Лучше бы он работал в одиночку. Видит бог, музейные сотрудники ему ни к чему. А ведь они отберут у него все это великолепие.

Луч солнца пробился сквозь грубо вырубленный дверной проем, осветил алебастровые кувшины, и Лоуренсу показалось, что он услышал какой-то звук – слабый, похожий на вздох или шепот.

Он обернулся и взглянул на мумию, фигура и черты лица которой отчетливо проступали под бинтами. Человек, объявивший себя Рамзесом, был высок и, скорее всего, красив.

Он не так стар, как то существо, которое покоится в Каирском музее. Но ведь этот Рамзес заявил, что он вообще не подвержен старению. Он бессмертен, он просто спит. Ничто не могло погубить его, даже яды из этой комнаты, которых он здорово напробовався, когда тоска по Клеопатре доводила его до безумия. По его приказу рабы запеленали его бесчувственное тело; они похоронили его заживо, в гробу, который он сам для себя подготовил, продумав каждую деталь; потом они замуровали вход в гробницу плитой, на которой он своими руками сделал надпись.

Но что привело его в бессознательное состояние? Ну и головоломка! Потрясающая история. А что, если?...

Лоуренс не отрывал взгляда от мрачного существа, завернутого в желтоватую ткань. Неужели он на самом деле верил в то, что под ней теплится жизнь? Неужели это существо способно двигаться и говорить?

Эта мысль заставила Лоуренса улыбнуться.

Он повернулся к стоящим на столе кувшинам. Солнце превратило маленькую пещеру в преисподнюю. Взяв носовой платок, Лоуренс осторожно приподнял крышку ближайшего к нему кувшина. Запах горького миндаля. Нечто не уступающее по силе смертоносному цианиду.

Бессмертный Рамзес писал, что отпил половину содержимого кувшина, чтобы покончить со своей проклятой жизнью.

«А если под этими покрывалами на самом деле бессмертное существо?»

Опять тот же звук. Что это было? Не шелест, нет, но что-то очень похожее. Скорее вздох.

Он снова взглянул на мумию. Теперь солнце освещало всю фигуру, в лучах его бились столбы пыли – так оно пробивается сквозь церковные витражи или сквозь ветви старых дубов в сумрачных лесных лощинах.

Лоуренсу почудилось, что с древней фигуры поднимается пыль – бледно-золотое марево крохотных частиц. Нет, он слишком устал!

И сама фигура теперь не казалась ему усохшей – она приняла четкие очертания человека.

– Кем же ты был на самом деле, старина? – ласково обратился к мумии Лоуренс. – Сумасшедшим? Обманщиком? Или ты не самозванец, а на самом деле Рамзес Великий?

Он произнес это по-французски – и на него повеяло холодком. Лоуренс поднялся и подошел к мумии поближе.

Казалось, загадочное существо купается в солнечных лучах. Впервые он заметил контуры бровей под туго стянутыми покрывалами. Черты лица стали более определенными, жестко очерченными, выразительными.

Лоуренс улыбнулся. Он заговорил с существом на латыни, аккуратно нанизывая одно предложение на другое:

– Знаешь ли ты, бессмертный фараон, сколь долго спал? Ты, заявивший, что прожил целое тысячелетие?

Сильно ли он коверкал древний язык? Он так много лет переводил древние иероглифы, что язык Цезаря казался ему грубоватым, и с ним он обходился небрежно.

– Прошло в два раза больше времени с тех пор, как ты замуровал себя в этой гробнице, с тех пор, как Клеопатра прижала к своей груди ядовитую змею.

Он замолчал на минуту, не отрывая взгляда от странной фигуры. Почему эта мумия не пробуждает в нем глубоко спрятанного холодного *страха* смерти? Он поверил в то, что под этими покрывалами каким-то образом сохранилась теплящаяся жизнь; что душа заключена в пелены и освободится только тогда, когда кто-то снимет их. Не задумываясь, он заговорил теперь по-английски:

– Если бы ты был бессмертен! Если бы ты смог открыть глаза и посмотреть на современный мир! Как жаль, что мне нужно ждать чьего-то разрешения, чтобы стянуть эти жалкие бинты и взглянуть на твое лицо!

Лицо. Неужели что-то в нем изменилось? Нет, это игра солнечного света. Правда, теперь лицо казалось чуть пополневшим. Машинально Лоуренс потянулся, чтобы дотронуться до него, но рука его замерла на полпути.

Он снова заговорил на латыни:

– Сейчас тысяча девятьсот четырнадцатый год, великий царь. И имя Рамзеса Великого известно всему миру – так же как имя вашей последней царицы.

Внезапно за его спиной послышался шорох. Это был Генри.

– Разговариваешь на латыни с Рамзесом, дядя? Может, проклятие уже сказалось на твоих мозгах?

– Он понимает латынь, – ответил Лоуренс, все еще глядя на мумию. – Разве нет, Рамзес? И греческий он понимает. А также фарси и этрусский и многие другие языки, забытые миром. Возможно, он знал язык древних северных варваров, от которого много веков назад произошел наш родной английский. – И Лоуренс снова перешел на латынь: – Послушай, в нынешнем мире так много разных чудес, великий царь. Я могу показать тебе столько удивительных вещей...

– Не думаю, что он слышит тебя, дядя, – холодно произнес Генри. Послышался звон стекла. – Во всяком случае, надеюсь, что не слышит.

Лоуренс резко обернулся. Зажав кожаный портфель под мышкой, Генри правой рукой держал крышку одного из кувшинов.

– Не дотрагивайся до него! – прикрикнул Лоуренс. – Это яд, кретин. Все они наполнены ядами. Достаточно капли, чтобы ты стал таким же мертвым, как он. То есть если он на самом деле мертв.

Один вид племянника вызывал у Лоуренса страшный гнев, особенно сейчас, в эти минуты.

Лоуренс повернулся к мумии. Ничего себе! Даже руки как будто пополнели. И одно из колец чуть не прорвало тугую ткань. Всего несколько часов назад...

– Яды? – переспросил за его спиной Генри.

– Это настоящая лаборатория ядов, – пояснил Лоуренс. – Тех самых ядов, которые перед самоубийством испытывала на своих беззащитных рабах Клеопатра.

А впрочем, зачем впустую тратить на Генри эту бесценную информацию?

– Какая эксцентричная подробность, – отозвался племянник цинично, с сарказмом. – А я-то думал, что ее укусила змея.

– Ты полный идиот, Генри! Ты знаешь историю хуже, чем египетский погонщик верблюдов. Перед тем как остановить свой выбор на змее, Клеопатра перепробовала сотни ядов.

Он обернулся и холодно взглянул на племянника, который дотронулся до бюста Клеопатры, небрежно проводя пальцами по мраморному носу и глазам.

– Ладно, я думаю, это не меняет дела. А монеты? Неужели ты собираешься отдать их Британскому музею?

Лоуренс присел на походный стульчик и обмакнул перо. На чем он остановился? Невозможно сосредоточиться, когда отвлекают.

– Тебя интересуют только деньги? – холодно спросил он. – А на что они тебе? Все равно ты спустишь их за игорным столом. – Он посмотрел на племянника. Когда с этого красивого лица стерся отблеск юношеского огня? Когда самовлюбленность ожесточила черты и состарила его, когда оно стало таким безнадежно скучным? – Чем больше я тебе даю, тем больше ты проигрываешь. Ради бога, возвращайся в Лондон. К своей любовнице или к подружкам из мюзик-холла. Главное, убирайся отсюда.

Снаружи донесся отрывистый резкий звук – со скрежетом затормозила на песчаной дороге еще одна машина. В пещеру вошел темнокожий слуга в испачканной глиной одежде. В руках у него был поднос с завтраком. За ним следом вошел Самир.

– Я больше не могу их сдерживать, Лоуренс, – сказал помощник. Легким, изящным жестом он приказал слуге поставить поднос на край переносного столика – Сюда приехали люди из британского посольства, Лоуренс. И, похоже, все репортеры из Александрии и Каира Боюсь, снаружи собралась целая толпа.

Лоуренс смотрел на серебряные тарелки, на китайские чашечки. Он не хотел есть. Он хотел только одного: чтобы его оставили наедине с сокровищами.

– Продержи их снаружи подольше, Самир. Отвоюй мне еще несколько часов, чтобы я мог повозиться с этими свитками. Самир, его история так: печальна, так мучительна!

– Постараюсь. Но тебе надо позавтракать, Лоуренс. Ты страшно утомлен. Тебе необходимо освежиться и отдохнуть.

– Самир, я никогда не чувствовал себя таким бодрым. Продержи их снаружи до полудня. Да, и уведи отсюда Генри. Генри, иди с Самиром. Он даст тебе что-нибудь поесть.

– Пойдемте со мной, сэр, пожалуйста, – быстро проговорил Самир.

– Мне нужно поговорить с дядей наедине.

Лоуренс заглянул в свой дневник, а потом в развернутый свиток, лежавший на столе прямо за тетрадь. Царь рассказывал о своей печали и о том, как он уехал сюда для тайных исследований, подальше от мавзолея Клеопатры в Александрии и от Долины царей.

– Дядя, – ледяным тоном произнес Генри. – Я с превеликим удовольствием вернусь в Лондон – если ты найдешь минутку, чтобы подписать...

Лоуренсу не хотелось отрываться от папируса. Может быть, ему удастся узнать, где когда-то стоял мавзолей Клеопатры?

– Ну сколько тебе повторять? – проворчал он. – Я не буду подписывать никаких бумаг. Бери свой портфель и убирайся отсюда.

– Дядя, граф хочет получить от тебя ответ относительно Алекса и Джулии. Он больше не может ждать. А что касается бумаг, речь идет всего лишь о двух акциях.

Граф... Алекс и Джулия... Это чудовищно.

– Боже, в эту минуту!

– Дядя, жизнь не остановилась из-за твоего открытия. – Сколько яда в голосе! – От этих акций необходимо избавиться.

Лоуренс отложил ручку.

– Никакой необходимости в этом я не вижу, – сказал он, пристально глядя на Генри. – А что касается брака, я могу ждать вечно. Или до тех пор, пока Джулия сама не решится. Возвращайся домой и передай эти слова моему доброму приятелю графу Рутерфорду. И скажи своему отцу, что я больше не продам ни одной семейной акции. А теперь оставь меня в покое.

Генри стоял как вкопанный, нервно вцепившись в портфель, и смотрел на Лоуренса с ожесточением.

– Дядя, ты не понимаешь...

– Позволь мне высказать, что я понимаю, – произнес Лоуренс. – Я понимаю, что ты проиграл целое состояние и что твой отец сделает все, чтобы выплатить твои долги. Даже Клеопатра и ее вечно пьяный любовник Марк Антоний не мечтали о таком богатстве, какое утекло сквозь твои руки. И скажи, на кой черт сдался моей Джулии титул Рутерфордов? Алексу нужны миллионы Стратфордов – вот в чем истина. Алекс – жалкий титулованный попрошайка, как и сам Эллиот. Прости меня бог, но это правда.

– Дядя, благодаря своему титулу Алекс мог бы купить любую лондонскую наследницу.

– Почему же он не делает этого?

– Одно твое слово – и настроение Джулии изменится.

– А Эллиот отблагодарит тебя за то, что ты ловко обтяпал это дельце? С деньгами моей дочери он будет невероятно щедрым.

Генри побелел от гнева.

– Какого черта ты так хлопочешь из-за этого брака? – язвительно спросил Лоуренс. – Ты унижаешься, потому что тебе нужны деньги...

Ему показалось, что губы племянника шевельнулись в беззвучном ругательстве.

Лоуренс отвернулся и снова посмотрел на мумию, пытаясь покончить с неприятным разговором, – щупальца лондонской жизни, от которой он сбежал, дотянулись до него и здесь.

Вот это да! Вся фигура заметно пополнела! И кольцо! Теперь его видно целиком: раздувшийся палец прорвал стягивающие его бинты. Лоуренсу показалось, что он видит цвет здоровой плоти.

– Не сходи с ума, – прошептал он самому себе.

Тот звук... Снова тот звук. Он попробовал вслушаться, но, сколько ни сосредоточивался, слышнее становился только уличный шум. Он подошел поближе к телу в саркофаге. Боже, неужели он видит отросшие волосы сквозь намотанные на голову пелены?

– Как я сочувствую тебе, Генри, – вдруг прошептал он. – Ты не в состоянии оценить подобное открытие: этого древнего царя, эту тайну.

Кто сказал, что ему нельзя дотрагиваться до останков? Просто немного отодвинуть в сторону эту истлевшую ткань...

Он вытащил свой перочинный ножик и нетерпеливо поднес его к мумии. Двадцать лет назад он мог бы спокойно разрезать и саму мумию. Тогда ему не приходилось иметь дел с чиновниками. Он мог копаться во всей этой пыли сам по себе.

– На твоём месте я не стал бы это делать, дядя, – вмешался Генри. – Музейные работники в Лондоне встанут на уши.

– Я же велел тебе убираться.

Он слышал, как Генри налил в чашку кофе: ему-то спешить было некуда. Маленькое закрытое помещение наполнилось кофейным ароматом.

Лоуренс уселся на походный стульчик и снова приложил ко лбу носовой платок. Целые сутки без сна. Наверное, ему следует отдохнуть.

– Выпей кофе, дядя Лоуренс, – сказал Генри. – Я тебе налил – Он протянул полную чашку. – На улице тебя ждут. А ты очень устал.

– Вот идиот, – прошептал Лоуренс – Ушел бы ты отсюда.

Генри поставил перед ним чашку, прямо рядом с дневником.

– Осторожно! Папирус бесценен.

Кофе выглядел соблазнительно, несмотря на то что его подал Генри. Лоуренс поднял чашку, сделал большой глоток и закрыл глаза.

Что он увидел в тот момент, когда отнимал чашку от губ? Мумию, раздувавшуюся в солнечных лучах? Не может быть. От внезапного жжения в горле все расплылось у него перед глазами. Казалось, горло сжимается. Он не мог ни говорить, ни дышать.

Лоуренс попытался встать. Он смотрел на Генри и внезапно почувствовал запах, идущий от чашки, которую все еще держал в трясущихся руках. Запах горького миндаля.

Это был яд. Чашка падала. Словно в тумане, Лоуренс услышал, как она ударилась о каменный пол.

– О господи! Ублюдок!

Он падал, протянув руки к племяннику, который стоял с мрачной усмешкой на белом лице и равнодушно смотрел на него, будто не происходило ничего ужасного, будто Лоуренс не умирал.

Его тело забилось в агонии. Сделав усилие, он обернулся. Последнее, что он увидел, была мумия в дразнящем солнечном свете. Последнее, что он почувствовал, был песок на полу, в который уткнулось его горящее лицо.

Генри Стратфорд долго стоял неподвижно. Он смотрел вниз, на тело своего дяди, – словно не верил тому, что видел. Кто-то другой это сделал. Кто-то другой проникся его разочарованием и расстройством и воплотил в жизнь его ужасный план. Кто-то другой опустил серебряную кофейную ложечку в старинный кувшин с ядом и влил яд в чашку Лоуренса.

Все замерло – даже пыль в солнечных лучах. Казалось, что крошечные пылинки растворились в горячем воздухе. Только слышался тихий звук: что-то похожее на сердцебиение.

Игра воображения. Через это надо пройти. Надо совладать с руками, чтобы они перестали дрожать, надо удержать крик, готовый сорваться с трясущихся губ. Потому что если он закричит – этот крик уже не унять.

«Я убил его. Я его отравил».

Теперь его плану ничто не помешает: устранено самое главное препятствие.

Наклониться, пощупать пульс. Да, он мертв. Умер.

Генри выпрямился, поборов внезапный приступ тошноты, и быстро вытащил из портфеля несколько бумаг. Окунул перо в чернила и аккуратно, четко вывел на бумагах имя Лоуренса Стратфорда, как уже делал несколько раз в прошлом – на менее важных документах.

Его рука отвратительно дрожала, но так даже лучше. Более похоже на почерк дяди. Подпись получилась превосходно.

Генри положил ручку на место и постоял немного с закрытыми глазами, стараясь успокоиться и думать только одно: «Дело сделано».

Внезапно странная мысль пронзила его: он мог бы все переиграть. Это был лишь порыв; он может повернуть время назад, и его дядя оживет. Ведь это не должно было случиться! Яд... кофе... Лоуренс мертв.

Потом к нему пришло воспоминание – чистое, яркое, приятное – о том дне двадцать один год назад, когда родилась его кузина Джулия. Его дядя и он сам сидели вдвоем в гостиной. Его дядя Лоуренс, которого он любил больше, чем родного отца.

– Я хочу, чтобы ты знал, что ты всегда будешь моим любимым племянником...

Господи, неужели он сходит с ума? На мгновение он позабыл, где находится. Он готов был поклясться, что в комнате есть еще кто-то. Но кто?

Эта штукавина в саркофаге. Не надо смотреть на нее. Это вроде как свидетель. Надо думать о деле.

Бумаги подписаны. Акции можно продать. Теперь у Джулии будут все основания выйти замуж за этого тупицу Алекса Саварелла. А у отца Генри будут все основания полностью завладеть капиталами «Судоходной компании Стратфорда».

Да. Да. Но что делать сейчас? Он снова посмотрел на письменный стол. Все как и было. Шесть блестящих золотом монет Клеопатры. Ах да, надо взять хоть одну. Генри проворно опустил монету в карман. Кровь прилила к лицу, разгорячив его. Да, монета может принести удачу. Надо спрятать ее в пачку сигарет. Вынесет – никто и не заметит. Отлично.

Теперь немедленно уходить отсюда. Нет, он ничего не соображает. Он так и не смог успокоить сердцебиение. Позвать Самира – так будет правильнее. Что-то ужасное случилось с Лоуренсом. Удар? Сердечный приступ? Невозможно описать! А эта комната как могила. Надо немедленно позвать врача.

– Самир! – крикнул он, слепо глядя вперед, будто трагический актер в момент потрясения.

Его взгляд снова уперся прямо в эту мрачную, похожую на саму смерть фигуру в бинтах. Неужели она тоже смотрит на него? Неужели ее глаза под тряпками открыты? Абсурд! Но эта иллюзия повергла его в паническое состояние, так что крик о помощи получился очень естественным.

Глава 2

Клерк украдкой читал последний выпуск «Лондон джеральд», спрятав развернутые листы под темным лакированным столом. В конторе было тихо, так как шло совещание директоров. Единственным звуком был отдаленный стук клавиш пишущей машинки в приемной.

«ПРОКЛЯТИЕ МУМИИ УБИВАЕТ ВЛАДЕЛЬЦА
«СУДОХОДНОЙ КОМПАНИИ СТРАТФОРДА».
РАМЗЕС ПРОКЛЯТЫЙ УБИВАЕТ ВСЕХ,
КТО НАРУШАЕТ ЕГО ПОКОЙ».

До чего же эта трагедия подействовала на воображение публики! И шагу не ступишь: на всех первых полосах одна и та же история. Как же популярные газеты наживаются на ней, разукрашивая статьи наспех нарисованными картинками с пирамидами и верблюдами, с мумией в деревянном саркофаге и с бедным мистером Стратфордом, лежащим возле ее ног.

Бедный мистер Стратфорд, он был таким хорошим человеком, с ним было так приятно работать... Теперь о нем будут помнить из-за его ужасной сенсационной смерти.

Не успел клерк переварить эту ужасную новость, как прочитал не менее сенсационное сообщение:

«НАСЛЕДНИЦА НЕ БОИТСЯ ПРОКЛЯТИЯ МУМИИ. РАМЗЕС ВЕЛИКИЙ
НАПРАВЛЯЕТСЯ В ЛОНДОН».

Клерк аккуратно перевернул страницу, сложив газету в толстую трубочку по высоте полосы. Трудно поверить в то, что мисс Стратфорд везет домой все сокровища, чтобы устроить выставку прямо в своем доме в Мэйфейре. Но ее отец всегда поступал именно так.

Клерк очень хотел, чтобы его пригласили на открытие выставки, но понимал, что такая возможность ему не представится, несмотря на то что он проработал в «Судоходной компании Стратфорда» почти тридцать лет.

Подумать только, бюст Клеопатры, единственный существующий в мире достоверный портрет! И монеты с ее изображением и именем. Ах, как бы ему хотелось взглянуть на эти вещицы в библиотеке мисс Стратфорд! Но придется подождать, пока Британский музей не востребует всю коллекцию и не выставит ее для обозрения лордов и простого народа.

И еще было кое-что, что он хотел бы сказать лично мисс Стратфорд, если когда-нибудь представится такая возможность, кое-что, о чем, возможно, рассказал бы ей старый мистер Лоуренс.

Например, о том, что Генри Стратфорд уже целый год не сидит за этим столом, хотя по-прежнему получает полную зарплату и премии; или о том, что мистер Рэндольф выписывает ему чеки за счет компании, а потом подделывает записи в кассовой книге.

А может, юная леди сама во всем разберется? По завещанию она становилась полновластной владелицей отцовской компании. Вот почему она тоже находилась в зале заседаний вместе со своим красавцем женихом Алексом Савареллом – виконтом Саммерфилдом.

Рэндольфу невольно было видеть ее плачущей. Ужасно в такую минуту вынуждать ее подписывать какие-то бумаги. Она выглядела такой хрупкой в этой траурной одежде, с заплаканным лицом, дрожащими, словно ее лихорадило, губами, с глазами, сверкающими странным огнем, который он впервые увидел, когда она сказала ему, что отец умер.

Другие участники совещания сидели безмолвно, опустив глаза. Алекс нежно держал ее за руку. Он выглядел слегка озадаченным, словно не осознавал, что такое смерть, – наверное, не хотел, чтобы она страдала. Простая душа. Совершенно неуместен среди этих торговцев и деловых людей; изящный аристократ со своей богатой невестой.

Почему мы должны проходить через все это? Почему мы не можем остаться наедине со своим горем?

И все-таки Рэндольф должен был сделать кое-что, хотя сейчас как никогда все эти дела казались ему совершенно бессмысленными. Никогда еще его любовь к сыну не подвергалась столь болезненному испытанию.

– Просто сейчас я не в состоянии принимать никаких решений, дядя Рэндольф, – вежливо сказала ему Джулия.

– Конечно, конечно, милая, – ответил он. – Никто тебя не торопит. Подпиши только один срочный чек на непредвиденные расходы, а остальное мы сделаем сами.

– Мне хочется самой во всем разобраться, войти в курс всех дел, – сказала она. – Именно этого хотел отец. Ситуация со складами в Индии... Я никак не могу понять, почему там возник такой кризис. – Она замолчала, не желая продолжать разговор о делах, а может, у нее просто не было сил – и тихие слезы снова заструились по ее лицу.

– Оставь это мне, Джулия, – устало сказал Рэндольф. – Я много лет справлялся с кризисами в Индии.

Он пододвинул к ней документы. «Подписывай, пожалуйста, подписывай. Не проси сейчас никаких объяснений. Не унижай меня, мне и так больно».

Его самого удивляло, как сильно он тоскует по брату. Мы не осознаем силы чувства к тому, кого любим, пока он не покинет нас. Всю ночь он пролежал без сна, вспоминая... Оксфордские дни, первые поездки в Египет – с Лоуренсом и Эллиотом Савареллом. Ночи в Каире. Он встал на рассвете и все рассматривал старые фотографии и бумаги. Воспоминания были так удивительно яркие.

А теперь, без вдохновения и без особого желания, он пытается обмануть дочку Лоуренса. Он пытается прикрыть десять лет хитрости и лжи. Лоуренс создал и укрепил «Судоходную компанию Стратфорда», потому что на самом деле деньги его нисколько не заботили. Лоуренс всегда рисковал. А что сделал Рэндольф, с тех пор как к нему перешло дело? Только держал в руках бразды правления да воровал.

К его изумлению, Джулия взяла ручку и, не мешкая, поставила свою подпись на всех документах, даже не потрудившись прочитать их. Ну что ж, у него есть небольшая передышка: она не станет задавать лишних вопросов.

«Прости, Лоуренс. – Это было как немая молитва– Жаль, что ты не знаешь всего».

– Через несколько дней, дядя Рэндольф, мы с тобой сядем и во всем разберемся. Думаю, этого хотел мой отец. Но сейчас я так устала. По-моему, пора идти домой.

– Да, позволь мне отвезти тебя, – немедленно отозвался Алекс. Он помог ей подняться.

Славный, добрый Алекс. Ну почему в Генри нет ни капли порядочности? Весь мир мог бы ему принадлежать.

Рэндольф поспешно отворил двойные двери. К своему удивлению, он увидел сотрудника Британского музея, ожидавшего окончания совещания. Досадно. Если бы знать об этом заранее, он вывел бы Джулию через другую дверь. Он терпеть не мог этого надутого мистера Хэнкока, который вел себя так, словно находки Лоуренса принадлежали музею и всему миру.

– Мисс Стратфорд, – приблизившись к Джулии, сказал Хэнкок. – Все решено. Первая демонстрация мумии состоится в вашем доме, как и хотел ваш отец. Естественно, мы сделаем опись всей коллекции и, как только вы пожелаете, перевезем ее в музей. Я думал, вы захотите, чтобы я лично заверил вас...

– Конечно, – устало ответила Джулия. Очевидно, судьба коллекции интересовала ее не больше, чем деловое совещание. – Благодарю вас, мистер Хэнкок. Вы знаете, что значило это открытие для моего отца? Она снова замолчала, видимо пытаясь справиться со слезами. – Ну почему я не поехала с ним в Египет?!

– Дорогая, он умер там, где был очень счастлив. – Алекс сделал неловкую попытку утешить ее. – И в той обстановке, которая ему нравилась.

Ничего себе! Ну и высказался! Да Лоуренса просто-напросто надули. Он наслаждался самым грандиозным своим открытием лишь несколько коротких часов. Даже Рэндольф понимал это.

Хэнкок взял Джулию за руку, и они вместе направились к выходу.

– Конечно же, невозможно установить подлинность находок, не проведя тщательных исследований. Монеты, бюст – это поистине беспрецедентные открытия...

– Не будем делать никаких преждевременных заявлений, мистер Хэнкок. Я хочу устроить всего лишь небольшой прием для старых друзей отца.

И Джулия протянула руку для прощания. Как решительно она прекратила ненужный ей разговор, как она похожа на отца. Как похожа на графа Рутерфорда, если задуматься. Ее всегда отличали аристократические манеры. Только бы состоялся этот брак...

– До свидания, дядя Рэндольф. Он наклонился и поцеловал ее.

– Я люблю тебя, малышка, – прошептал он.

Это удивило его самого. Как и улыбка, осветившая ее лицо. Неужели она поняла, что он хотел ей сказать? «Прости меня, прости за все, малышка».

Наконец-то она одна на мраморной лестнице. Все, кроме Алекса, ушли, и ей очень хотелось, чтобы он тоже ушел. Ей ничего больше не было нужно – только бы остаться одной в тихом салоне «роллс-ройса», за стеклянными окошками, которые отрежут ее от шума внешнего мира.

– Послушай меня хоть раз, Джулия, – говорил Алекс, ведя ее вниз по лестнице. – Я говорю от чистого сердца. Не надо откладывать свадьбу из-за этой трагедии. Я понимаю твои чувства, но теперь ты одна во всем доме. Я хочу быть с тобой, заботиться о тебе. Я хочу, чтобы мы стали мужем и женой.

– Алекс, а я не хочу тебя обманывать, – сказала она. – Я пока не могу принимать никаких решений. Сейчас мне больше, чем когда-либо, нужно время подумать.

Вдруг она поняла, что не может его видеть – он казался таким юным. А она, была ли она сама когда-нибудь юной? Возможно, этот вопрос заставил бы дядю Рэндольфа улыбнуться. Ей двадцать один год. Но Алекс в свои двадцать пять казался ей ребенком. Джулии больно было сознавать, что она не любит его так, как он того заслуживает.

Алекс открыл дверь на улицу, и от яркого солнечного света стало резать глаза. Джулия опустила вуаль. Репортеров не было, слава богу, никаких репортеров, лишь большой черный автомобиль ждал с открытой дверцей.

– Я не останусь одна, Алекс, – ласково произнесла Джулия. – У меня там есть Рита и Оскар. И Генри возвращается в свою старую комнату – дядя Рэндольф настоял на этом. Так что народу будет даже больше, чем нужно.

Генри... Вот уж кого ей совсем не хочется видеть! Какая злая ирония в том, что он был последним человеком, которого видел ее отец перед смертью.

Когда Генри Стратфорд сошел на берег, его атаковали журналисты. Испугался ли он проклятия мумии? Видел ли что-нибудь сверхъестественное в той маленькой каменной пещере, где смерть настигла Лоуренса Стратфорда? Генри молча стоял на таможенном кон-

троле, не обращая внимания на вспышки фотокамер. С ледяным спокойствием он смотрел на чиновников, которые проверяли его чемоданы. Наконец он смог пройти вперед.

Сердце билось так, что звенело в ушах. Он хотел выпить. Он хотел оказаться в тишине родного дома в Мэйфэйре. Он хотел встретиться со своей любовницей Дейзи. Он хотел чего угодно, кроме тоскливой поездки с отцом. Забираясь на заднее сиденье «роллса», Генри старательно отводил от Рэндольфа глаза.

Когда длинный, громоздкий автомобиль пробивал себе путь, чтобы выбраться из пробки, Генри заметил Самира, приветствовавшего группу одетых в черное мужчин – очевидно, сотрудников музея. Тело Рамзеса Великого занимало всех гораздо больше, чем тело Лоуренса Стратфорда, которого по завещанию покойного захоронили без особых церемоний в Египте.

О господи, отец ужасно выглядит! За одну ночь он состарился на десять лет. И волосы растрепаны...

– У тебя есть сигареты? – отрывисто спросил Генри. Рэндольф, не глядя, протянул тонкую сигару и спички.

– Этот брак по-прежнему очень важен, – пробормотал он так тихо, словно разговаривал сам с собой. – У новобрачной просто не хватит времени думать о делах. А пока я устроил все так, что ты поживешь вместе с ней. Она не должна оставаться одна.

– О боже, отец, на дворе двадцатый век! Какого черта она не может пожить одна?

Жить в этом доме, рядом с отвратительной мумией, выставленной на всеобщее обозрение в библиотеке? Генри почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он закрыл глаза, раскуривая сигару, и постарался сосредоточиться на воспоминаниях о любовнице. Перед его мысленным взором пронеслась вереница соблазнительных эротических картинок.

– Черт побери, ты будешь делать то, что я говорю! – отрезал отец, но в голосе его не слышалось угрозы. Рэндольф выглянул в окно. – Ты будешь жить там, и присматривать за ней, и делать все возможное, чтобы она скорее согласилась на этот брак. Постарайся, чтобы она не отдалась от Алекса. Мне кажется, Алекс уже начал ее раздражать.

– Неудивительно. Если бы у Алекса была хоть капля здравого смысла...

– Замужество пойдет ей на пользу. И вообще, брак: дело хорошее.

– Ну ладно, ладно, хватит об этом!

Дальше ехали в тишине. Пора обедать с Дейзи, потом предстоит длительный отдых в собственной квартире, а потом он сядет за игровой стол у Флинта – если удастся вытянуть у отца хоть немного денег...

– Он ведь не сильно страдал? Генри слегка вздрогнул.

– Что? О чем ты?

– О твоём дяде, – сказал отец, в первый раз посмотрев ему в глаза – О Лоуренсе Стратфорде, который только что умер в Египте. Он долго мучился или умер сразу?

– С ним все было нормально, и вдруг через минуту он уже оказался лежащим на полу. Он умер за считанные секунды. Зачем спрашивать о таких вещах?

– А ты что, такой чувствительный, мерзавец?

– Я ничем не мог помочь ему!

На миг к нему вернулись чувства, которые он испытал в той тесной запертой клетушке, и даже почувствовался едкий запах яда. Генри явственно вспомнил то существо – ту тварь в футляре для мумий – и свое жуткое ощущение, будто оно наблюдает за ним.

– Он был упрямым стариканом, – почти шепотом сказал Рэндольф. – Но я любил его.

– Правда? – Генри резко развернулся и уставился на отца. – Ты его любил, а он оставил все ей!

– Он очень много дал и нам – давным-давно. Достаточно, более чем достаточно...

– Жалкие крохи по сравнению с тем, что унаследовала она!

– Я не желаю говорить об этом.

«Терпение, – подумал Генри. – Терпение. – Он откинулся назад, прижавшись к мягкой серой обивке. – Мне нужно хотя бы сто фунтов. Если буду спорить, ничего не получу».

Дейзи Банкер смотрела сквозь кружевные занавески, как Генри выходит из кеба. Она жила в просторной квартире над помещением мюзик-холла, в котором пела с десяти вечера до двух ночи. Пышнотелая зрелая женщина с огромными, вечно сонными голубыми глазами и серебристо-белыми волосами. Голос у Дейзи был так себе, и она об этом знала, но она нравилась публике, точно нравилась. Публика ее очень любила.

А ей нравился Генри Стратфорд – или она себе это внушила. Он лучший из всех, с кем сводила ее жизнь. Он нашел для нее работу, которая, правда, была не очень ей по душе, он платил за квартиру... во всяком случае, предполагалось, что будет платить. Дейзи понимала, что слегка залезла в долги, но ведь он вот-вот вернется из Египта и все устроит. Или заткнет рты тем, кто будет задавать много вопросов. Это он умеет.

Услышав шаги на лестнице, Дейзи подбежала к зеркалу. Она приспустила отороченный перьями воротник пеньюара и поправила жемчуг на шее. Пока ключ поворачивался в замке, Дейзи массировала щеки, чтобы вызвать легкий румянец.

– Я уже готова была бросить тебя, – заявила она, когда Генри вошел в комнату.

Какой же он красавчик! У него такие дивные темно-каштановые волосы, такие прелестные карие глаза; и манеры что надо – настоящий джентльмен. Ей нравилось, как он снимает плащ и небрежно бросает его на спинку стула; нравилось, что он не торопится обнять ее. Он так ленив, так самовлюблен! А почему бы и нет?

– Где мой автомобиль? Перед отъездом ты обещал подарить мне автомобиль! Где он? Внизу его нет. Там обычный кеб.

Какая же холодная у него улыбка! Генри поцеловал ее, до боли впившись в губы, а пальцами сильно сдавив плечи. По спине у Дейзи прошла дрожь, губы горели. Она ответила на поцелуй и, когда Генри повел ее в спальню, не проронила ни слова.

– Привезу я тебе твой автомобиль, – прошептал он, с треском расстегивая пеньюар и прижимая ее к себе с такой силой, что соски у Дейзи заныли от прикосновения к жесткой, накрахмаленной рубашке. Она поцеловала его в щеку, потом в подбородок, проводя языком по слегка отросшей бородке. До чего же приятно слышать его неровное дыхание, ощущать на плечах его руки!

– Не так грубо, сэр, – прошептала Дейзи.

– Почему?

Зазвонил телефон. Надо было выдернуть шнур. Пока Генри тянулся к трубке, Дейзи расстегивала на нем рубашку.

– Я просил тебя не звонить больше, Шарплс.

Проклятый сукин сын, чтоб он сдох, с ненавистью подумала Дейзи. Она работала на Шарплса, пока Генри Стратфорд не вызволил ее. Шарплс был настоящим негодяем, грубым и тупым. Он оставил ей на память шрам, маленький полумесяц сзади на шее.

– Я же сказал тебе, что заплачу, когда вернусь. Может, ты дашь мне время распаковать чемоданы? – Генри со стуком бросил маленькую трубку на рычаг.

Дейзи оттолкнула телефон к дальнему краю мраморной столешницы.

– Иди ко мне, мой сладкий, – позвала она, усаживаясь на кровать.

Генри продолжал смотреть на телефонный аппарат, и глаза у Дейзи поскучнели. Значит, он по-прежнему без гроша. Без единого гроша.

Странно... В этом доме не устраивали панихиды по отцу. Зато вот сейчас осторожно вносят через анфиладу гостиных раскрашенный саркофаг Рамзеса Великого, несут его,

словно на погребальной процессии, к библиотеке, которую отец всегда называл египетским залом. Здесь будет бдение у гроба мумии; только вот того, кто должен был бы находиться возле этого гроба, тут нет.

Джулия смотрела, как: по указанию Самира сотрудники музея ставят саркофаг стоя в юго-восточном углу библиотеки, слева от открытой двери в оранжерею. Прекрасное место для мумии. Любой, кто войдет в дом, сразу же заметит ее. И собравшимся в гостиной она тоже будет видна.

Свитки и алебастровые кувшины будут покоиться под зеркалом, на длинном мраморном столе, придвинутом к восточной стене, слева от саркофага. Бюст Клеопатры уже водрузили на подиум посреди зала. Золотые монеты положат на специальную музейную стойку рядом с мраморным столом. И остальные бесценные сокровища можно теперь разложить так, как распорядится Самир.

Ласковые предзакатные лучи солнца проникали в библиотеку из оранжереи, исполняя причудливый танец на золотой маске царского лика и на сложенных крестом руках.

Она великолепна и, безусловно, подлинна. Только дурак может усомниться. Но что же это была за история?

«Скорее бы все они ушли, – подумала Джулия, – скорее бы остаться одной и как следует рассмотреть отцовские находки». Но эти люди из музея, наверное, никогда не уйдут. А тут еще Алекс... Что делать с Алексом, который стоит рядом и не оставляет ее одну ни на секунду?

Конечно же, Джулия была рада присутствию Самира, хотя, видя, как он страдает, сама мучилась еще больше.

И держался Самир, одетый в черный цивильный костюм и накрахмаленную белую рубашку, напряженно. В шелковом национальном одеянии он был похож на темноглазого принца, который далек от этого светлого века и его сумасшедшей гонки по дороге прогресса. Здесь он казался посторонним, чуть ли не лакеем, несмотря на приказной тон, каким разговаривал с сотрудниками музея.

Когда Алекс смотрел на них и на сокровища, у него было очень странное выражение лица. Эти предметы ничего не значили для него: они принадлежали иному миру. Разве он не видит, как они прекрасны? До чего же ей трудно его понять!

– Интересно, сбудется ли проклятие? – тихо спросил Алекс.

– Не будь смешным, – отозвалась Джулия. – Какое-то время они тут еще поработают. Почему бы нам не пойти в оранжерею и не попить чаю?

– Да, давай так и сделаем, – согласился Алекс.

Ему все это отвратительно, разве нет? Выражение отвращения ни с чем не спутаешь. Он не испытывает никаких чувств при виде сокровищ. Они ему чужды; они для него ничто. С таким выражением лица Джулия могла бы смотреть на какой-нибудь современный станок, в которых ничего не смыслила.

Это огорчало ее. Но сейчас все ее огорчало – и больше всего то, что у отца было так мало времени, чтобы насладиться всеми этими сокровищами, что он умер в день своего самого великого открытия. И что она была единственным человеком, которому предстояло разобраться во всех не изученных им деталях этой таинственной гробницы.

Может быть, после чаепития Алекс наконец-то поймет, как ей хочется остаться одной. Джулия повела его по коридору мимо двойных дверей гостиных, затем мимо библиотеки, и, пройдя через мраморную нишу, они оказались в застекленной комнате, где росли папоротники и цветы.

Это было любимое место отца – когда он покидал библиотеку. Его письменный стол, его книги все равно были рядом – за двойными стеклянными дверями.

Они сели вдвоем за переносной столик. Солнце играло на серебре чайного сервиза, стоявшего перед ними.

– Наливай, милый, – сказала Джулия, раскладывая на тарелке печенье. Теперь он займется тем, в чем знает толк.

Разве есть на свете другой человек, который так ловко и умело управляется со всеми мелочами повседневной жизни? Алекс умеет ездить на лошади, танцевать, стрелять, разливать чай, смешивать восхитительные американские коктейли, а во время заседаний в Букингемском дворце спать с открытыми глазами. Он умеет прочесть самое обычное стихотворение так выразительно, с таким чувством, что у Джулии на глазах появляются слезы. Он отлично целуется, и, без сомнения, в браке с ним она познает все чувственные улады. Все это так. А чего еще можно желать?

Внезапно она рассердилась сама на себя. Неужели это все, что ей нужно? Для отца всего этого было мало, для ее отца, бизнесмена, чьи манеры ничем не отличались от манер его друзей-аристократов. Для него быт вообще ничего не значил.

– Попей, дорогая, тебе это не помешает, – сказал Алекс, предлагая Джулии чай, приготовленный именно так, как она любила: без молока и без сахара, с тоненьким ломтиком лимона.

Интересно, а кому может помешать чашка чаю?

Освещение вдруг изменилось – какая-то тень появилась в оранжерее. Джулия подняла голову и увидела Самира.

– Самир! Садись, присоединяйся к нам.

Тот жестом показал, чтобы она не беспокоилась. В руках у помощника была тетрадь в кожаном переплете.

– Джулия, – сказал Самир, многозначительно посмотрев в сторону египетского зала, – я привез тебе дневник твоего отца. Я не хотел отдавать его людям из музея.

– О, как я рада! Посиди с нами, пожалуйста.

– Нет, мне надо работать. Я должен проследить, чтобы все сделали как положено. Обязательно прочитай дневник, Джулия. Газеты напечатали лишь малую толику всей этой истории. Из дневника ты узнаешь гораздо больше...

– Ну подойди, присядь, – настаивала Джулия. – Позже мы вместе обо всем позаботимся.

Поколебавшись, Самир согласился. Он взял стоявший рядом с Джулией стул и вежливо поклонился Алексу, с которым его познакомили раньше.

– Твой отец только начал переводить. Ты же знаешь, как здорово он разбирался в древних языках...

– Мне не терпится прочитать. Но почему ты так взволнован? Что-нибудь не так?

– Меня беспокоит это открытие, – помолчав, произнес Самир. – Не нравится мне и эта мумия, и яды, хранившиеся в гробнице.

– Яды на самом деле принадлежали Клеопатре? – вмешался Алекс. – Или все это выдумки журналистов?

– Никто не знает наверняка, – вежливо ответил Самир.

– Самир, на все сосуды наклеены ярлыки, – сказала Джулия. – Слуги предупреждены.

– Вы ведь не верите в проклятия, правда? – спросил Алекс.

Самир вежливо улыбнулся.

– Нет. И тем не менее, – сказал он, снова обращаясь к Джулии, – обещаю тебе: если что-то покажется тебе странным или появится какое-то дурное предчувствие, ты сразу же позвонишь мне в музей.

– Но, Самир... Вот уж не думала, что ты можешь верить...

– Джулия, в Египте проклятия – большая редкость, – отозвался помощник. – Угрозы, начертанные на саркофаге этой мумии, очень серьезны. И сама история о бессмертии этого существа... Все очень странно. Ты узнаешь подробности, когда прочтешь дневник.

– Не думаешь же ты, что отец стал жертвой проклятия?

– Нет. Но то, что произошло, не поддается разумным объяснениям. Если только не поверить в... Но ведь это абсурд! Прошу тебя об одном: не принимай ничего на веру. А если что, немедленно звони мне.

Он резко оборвал разговор и вернулся в библиотеку. Джулия услышала, как он говорит по-арабски с одним из сотрудников музея, и увидела обоих сквозь открытые двери.

«Горе, – подумала она, – притупляет все прочие чувства. Он так же, как и я, горюет по отцу. И открытие уже не радует его. Как все сложно!»

А ведь он радовался бы, если... Ладно, понятно. С ней все по-другому. Ей страшно хочется остаться наедине с Рамзесом Великим и его Клеопатрой. Но она все понимает. И боль утраты навсегда останется с ней. Она и не хотела, чтобы эта боль улеглась. Джулия посмотрела на Алекса, на бедного растерянного мальчика, взирающего на нее с таким искренним сочувствием.

– Я люблю тебя, – неожиданно прошептал Алекс.

– Что это на тебя нашло? – мягко засмеялась она. Что-то он совсем раскис, ее юный красавец жених, что-то его сильно расстроило. Невыносимо видеть его таким.

– Не знаю, – сказал Алекс. – Меня мучает дурное предчувствие. Так он это назвал? Знаю только одно: мне хочется напомнить тебе о своей любви.

– Алекс, милый Алекс... – Джулия наклонилась и поцеловала его, и он в порыве отчаяния сжал ее руку.

Маленькие безвкусные часы на туалетном столике Дейзи пробили шесть.

Генри, развалившись в кресле, лениво зевнул, потом снова потянулся к бутылке шампанского, наполнил свой бокал, а затем и бокал Дейзи.

Она до сих пор выглядела сонной; тонкая атласная бретелька ночной рубашки упала с плеча.

– Выпей, дорогая, – сказал он.

– Только не это, любимый. Сегодня вечером я пою. – Дейзи надменно вздернула подбородок. – Я не могу пить целыми днями, как некоторые.

Она оторвала от жареного цыпленка, лежавшего на тарелке, кусочек мяса и положила в рот. Очень симпатичный ротик.

– Но какова твоя кухня! Не боится этой чертовой мумии! Надо же, завезла ее в собственный дом.

Глупые голубые глазищи уставились на него – вот это ему нравится. Хотя он уже скучал по Маленке, своей египетской красавице, на самом деле скучал. Восточной женщине не надо быть глупой; она может быть и умна – все равно ею легко управлять. А девица вроде Дейзи обязательно должна быть глуповатой; и с ней надо разговаривать, разговаривать без конца.

– Какого черта она должна бояться какой-то сушеной мумии? – раздраженно спросил он. – Эта чокнутая отдает все сокровища музею. Она не знает цены деньгам, моя кухня. У нее всегда было слишком много денег. Лоуренс немного повысил мой годовой доход, а ей оставил всю корабельную империю.

Он замолчал. Маленькая комната; свет, пятнами ложившийся на мумию. Он снова увидел ее. Увидел, что натворил! «Нет. Неправильно. Он умер от сердечного приступа или от удара – человек, лежавший на песчаном полу. Я этого не делал. И то существо, оно не могло смотреть сквозь намотанные на него тряпки, ведь это абсурд!»

Генри судорожно глотнул шампанского. Превосходно! Он снова наполнил бокал.

– Но ведь она одна во всем доме с этой ужасной мумией, – сказала Дейзи.

И тут он снова увидел те глаза, открытые глаза под истлевшими бинтами, в упор глядевшие на него. Да, они смотрели на него. «Остановись, идиот, ты сделал то, что должен был сделать! Остановись или сойдешь с ума!»

Генри поспешно поднялся из-за стола, надел пиджак и поправил шелковый галстук.

– Куда ты идешь? – спросила Дейзи. – Слушай, ты слишком много выпил, чтобы выходить на улицу.

– Да брось ты, – отмахнулся он.

Она знала, куда он идет. У него было сто фунтов, которые ему удалось выпросить у Рэндольфа, а казино уже открылись.

Теперь ему хотелось побыть в одиночестве, чтобы как следует сосредоточиться. Просто подумать об этом – о зеленом сукне, освещенном люстрами, о стуке костей, о жужжании рулетки, которое всегда бодрило его. Один хороший выигрыш – и он уйдет, обещал он самому себе. Ладно, он больше не может ждать...

Конечно, он влип с этим Шарплсом, он задолжал ему кучу денег, но как, черт побери, он расплатится с долгами, если не посидит за игорным столом?! Правда, он чувствовал, что в этот вечер ему не повезет, но все-таки следовало попытаться.

– Подождите-ка, сэр. Присядьте, сэр, – сказала Дейзи, подходя к нему. – Выпей со мной еще стаканчик, а потом немножко вздремни. Еще только шесть часов.

– Оставь меня в покое, – отрезал Генри.

Он надел плащ и натянул кожаные перчатки. Шарплс. Вот тупица этот Шарплс! Генри нащупал в кармане плаща нож, который таскал с собой многие годы. Да, он все еще на месте. Генри вытащил его и осмотрел тонкое стальное лезвие.

– О нет, сэр! – ахнула Дейзи.

– Не будь идиоткой, – не церемонясь, сказал Генри, сложил лезвие, засунул нож в карман и вышел.

Стало тихо – слышалось только журчание фонтана в оранжерее. Стустились пепельные сумерки, египетский зал освещала единственная лампа под зеленым абажуром, стоящая на столе Лоуренса.

Джулия в уютном, на удивление теплом шелковом пеньюаре устроилась в отцовском кожаном кресле, спиной к стене, и взяла в руки дневник, который до сих пор не читала.

Сверкающая маска Рамзеса Великого по-прежнему немного пугала ее, из полутьмы выглядывали огромные миндалевидные глаза. Бюст Клеопатры, казалось, светился изнутри. А у противоположной стены на черном бархате лежали великолепные золотые монеты.

До этого Джулия еще раз внимательно рассмотрела их. Тот же профиль, что у бюста, те же волнистые волосы под золотой тиарой. Греческая Клеопатра, совсем непохожая на простоватые египетские изображения, которые так примелькались в постановках шекспировской трагедии, или на гравюрах, иллюстрирующих «Жизнеописания» Плутарха, или в разнообразных учебниках истории.

Профиль красивой и сильной женщины – римляне любили, чтобы их герои и героини были сильными.

Лежавшие на длинном мраморном столе пергаментные свитки и папирус выглядели такими хрупкими, такими ветхими. Другие находки тоже легко сломать неловкими руками. Птичьи перья, чернильницы, маленький серебряный светильник, видимо масляный, с кольцом, в которое, по всей видимости, вставлялся стеклянный сосуд. Стеклянные пузырьки стояли рядом – редчайшие образцы древней работы со стеклом, каждый с крошечной серебряной крышечкой. Естественно, на всех этих маленьких реликвиях, как и на стоящих за ними алебастровых кувшинах, красовались аккуратные этикетки, на которых можно было прочитать: «Руками не трогать».

И тем не менее Джулия беспокоилась – ведь столько людей приходят сюда посмотреть на вещицы.

– Учтите, тут, скорее всего, яды, – предупредила Джулия свою бессменную горничную Риту и дворецкого Оскара. Этого хватило, чтобы они держались подальше от египетского зала.

– Он покойник, мисс, – сказала Рита. – Мертвец. Какая разница, что это египетский царь! Мне кажется, мертвецы не должны находиться рядом с людьми.

Джулия засмеялась:

– В Британском музее полно мертвецов, Рита.

Если бы только мертвые могли оживать! Если бы к ней мог явиться призрак отца! Вот было бы чудо! Снова побыть с ним, поговорить, услышать его голос. «Что случилось, отец? Ты очень страдал? Испугался ли ты хоть на минуту?»

Что это ей пришло в голову – визит призрака?! Такого не бывает. И это ужасно. Мы проходим путь земных страданий от колыбели до могилы – и все на этом кончается. Прелесть сверхъестественных чудес существует только в сказках и стихах, да еще в пьесах Шекспира.

Зачем же медлить? Пришло время долгожданного одиночества в окружении отцовских сокровищ. Теперь можно прочесть его последние слова.

Она нашла страницу, датированную днем открытия. И после первых же слов глаза ее наполнились слезами.

«Должен записать все для Джулии, описать все подробности. В иероглифах на двери нет ни одной ошибки: должно быть, тот, кто писал их, знал, что делает. Хотя греческие письмены относятся к периоду Птолемея, а латынь – более позднего периода, более изощренная. Невероятно, но факт. Самир, как никогда испуган и подозрителен. Нужно поспать хотя бы несколько часов. Собираюсь пойти туда сегодня вечером!»

Затем шел наспех нарисованный чернилами набросок двери в гробницу с тремя фразами на разных языках. Джулия торопливо перевернула страницу.

На моих часах девять вечера. Наконец-то я внутри. Комната больше похожа на библиотеку, чем на спальню. Человек покоится в царском саркофаге возле письменного стола, на котором он оставил тринадцать свитков. Он пишет в основном на латыни, явно в спешке, но довольно аккуратно. Повсюду капли чернил, но текст читается превосходно.

Называйте меня Рамзесом Проклятым. Поскольку именно такое имя я дал себе сам. Когда-то я был Рамзесом Великим, Повелителем Верхнего и Нижнего Египта, Покорителем хеттов, отцом многих сыновей и дочерей. Я правил Египтом шестьдесят четыре года. Еще стоят памятники в мою честь; стелы прославляют мои победы, хотя с тех пор, как меня, смертного младенца, вытащили из материнского чрева, прошло уже тысячелетие.

О, время давно похоронило ту судьбоносную минуту, когда я взял у хеттской жрицы проклятый эликсир. Я не обращал внимания на ее предостережения. Я жаждал бессмертия. И я выпил полную чашу снадобья. Теперь, по прошествии многих столетий, я спрятал снадобье среди ядов моей утраченной Царицы. Она не приняла его от меня, моя обреченная на смерть Клеопатра.

Джулия прекратила читать. Эликсир, спрятанный среди этих ядов? Она поняла, что имел в виду Самир. Газеты ничего не рассказывали об этой маленькой тайне. Очень соблазнительно. Среди ядов спрятано зелье, которое способно подарить вечную жизнь.

– Но кто же мог написать эту фантастическую историю? – прошептала она.

Джулия посмотрела на мраморный бюст Клеопатры. Бессмертие. Почему Клеопатра не стала пить снадобье? «О, похоже, я начинаю верить в эту сказку!» Джулия улыбнулась и перевернула страницу дневника.

Перевод прервался. Отец написал только:

Продолжает описывать, как Клеопатра пробудила его от полного видений сна, как он обучал ее истории Египта, как он любил ее, наблюдал за тем, как она соблазняет римских вождей – одного за другим...

– Да, – прошептала Джулия. – Сначала Юлия Цезаря, потом Марка Антония. Но почему она отказалась от эликсира?

Дальше следовал новый абзац перевода:

Как мне вынести эту тяжесть? Как мне вытерпеть муки одиночества? Я не могу умереть. Ее яды не берут меня. Среди них хранится мой эликсир, так что я могу снова погрузиться в сон, в мечты о других царицах, справедливых и мудрых, которые разделили бы со мной венную жизнь. Но я вижу только ее лицо. Слышу только ее голос. Клеопатра. Вчера. Завтра. Клеопатра.

Дальше шла латынь. Несколько наспех написанных строк на латыни, в которой Джулия была не сильна. Даже с помощью словаря она не смогла бы перевести этот текст. Потом шли несколько строчек на демотическом египетском, более непонятном, чем латынь. И больше ничего.

Джулия отложила дневник, пытаясь совладать со слезами. Ей казалось, что отец рядом, что он с ней, в этом зале.

Как бы он радовался, как бы смеялся вместе с ней над своими каракулями!

И сама таинственная история – потрясающая!

Неужели где-то среди этих ядов спрятан эликсир, дающий бессмертие? Даже если не верить в него – все равно поразительно. Вот бы просто посмотреть на тот самый крошечный серебряный светильник и тот самый изящный пузырек! Рамзес Великий верил в зелье. Возможно, отец тоже поверил. И она сама, может быть, тоже на минуточку поверила.

Джулия медленно поднялась и подошла к длинному мраморному столу, стоявшему у противоположной стены. Свитки очень уж хрупкие – весь стол усеян крошечными кусочками и трухой папируса. Джулия видела, как рассыпались свитки, когда их вытаскивали из футляров. Она не посмела дотронуться до них. И к тому же она все равно не смогла бы их прочитать.

И кувшины тоже нельзя потрогать. Что, если капельки яда чуть-чуть пролились? Что, если ядовитые пары отравили воздух?

Внезапно Джулия поймала себя на том, что смотрит на свое отражение в зеркале. Она вернулась к письменному столу и развернула лежавшую на нем газету.

В Лондоне с триумфом шла постановка шекспировской трагедии «Антоний и Клеопатра». Ей бы хотелось сходить на нее с Алексом, но серьезные пьесы всегда нагоняли на Алекса дремоту. Его могли развлечь только Гилберт и Салливан¹, но даже у них он начинал клевать носом к концу третьего акта.

Джулия прочла короткий отзыв о постановке, затем снова встала и взяла с книжной полки над столом томик Плутарха.

Где тут история Клеопатры? Плутарх не удосужился отвести для ее биографии целую главу. Нет конечно же: ее история вставлена в жизнеописание Марка Антония.

Джулия быстро перелистала страницы, которые помнила очень смутно. Клеопатра была великой царицей и великим политиком – так говорят о подобных личностях в наше время. Она не только соблазнила Юлию Цезаря и Марка Антония – она десятилетиями не позволяла Риму завоевать Египет и в конце концов покончила с собой – когда Антоний погиб от собственной руки, когда Октавиан Август уже стоял у ее ворот. Падение Египта было неизбежно, но она чуть было не изменила ход истории. Если бы Юлия Цезаря не убили, он

¹ Либреттист Уильям Гилберт (1836–1911) и композитор Артур Салливан (1842–1900) – авторы популярных комических опер. – Прим. ред.

мог бы сделать Клеопатру императрицей. Если бы Марк Антоний был посильнее, Октавиан был бы повержен.

Однако даже последние свои дни Клеопатра прожила победительницей. Октавиан хотел привезти ее в Рим как плененную царицу. Она обманула его. Она перепробовала дюжину ядов на осужденных пленниках, а потом все-таки остановилась на укусе змеи, который и лишил ее жизни. Римские воины не смогли помешать ее самоубийству. Октавиан вступил во владение Египтом. Но завладеть Клеопатрой он не сумел.

Джулия закрыла книгу, испытывая странное благоговение. Посмотрела на длинный ряд алебастровых кувшинов. Неужели это те самые яды?

Глядя на таинственный саркофаг с мумией, она задумалась. Сотни похожих на него Джулия видела здесь и в Каире. Сотни похожих на него она изучала с самого раннего детства.

Но только в этом саркофаге находился человек, объявивший себя бессмертным. Объявивший, что его погребли заживо, что он не умер, а всего лишь спит полным видений сном.

В чем секрет этого сна? В чем секрет пробуждения? И этого эликсира?

– Рамзес Проклятый, – прошептала она – Проснешься ли ты ради меня, как когда-то проснулся ради Клеопатры? Проснешься ли, несмотря на то что твоя царица мертва? Проснешься ли, чтобы подивиться чудесам нового времени?

Ответом была тишина; огромные ласковые глаза золотого царя неподвижно смотрели на нее, инкрустированные золотые руки покойно лежали на груди.

– Это грабеж! – воскликнул Генри, не в силах сдержать гнев. – Эта вещь бесценна.

Он сердито смотрел на маленького человечка за конторкой в задней части антикварного магазина. Жалкий маленький воришка из убогого мира грязных стеклянных витрин и монетного хлама, выставленного под видом драгоценностей.

– Если она настоящая, – неторопливо произнес человечек. – А если она настоящая, откуда она у вас? Монета с таким превосходным изображением Клеопатры? Понимаете, всем захочется узнать, откуда я ее взял. А вы даже не назвали мне своего имени.

– Да, и не назову.

Задыхаясь от злобы, Генри выхватил монету у него из рук, сунул ее в карман и повернулся к выходу. Отойдя на пару шагов, остановился, натянул перчатки. Сколько он потерял – пятьдесят фунтов? Генри был в ярости. Из всех сил хлопнув дверью, он вышел на улицу, где завывал ледяной ветер.

Долгое время хозяин антикварного магазина сидел неподвижно. Он все еще ощущал тепло монеты, которую так легкомысленно упустил. Подобной ему еще не доводилось видеть. Он прекрасно понимал, что вещь подлинная и что отказ от нее был самым дурацким поступком в его жизни.

Он должен был купить ее! Должен был рискнуть! Но он знал, что вещь краденая, а становиться вором не хотелось – даже ради царицы Нила.

Антиквар поднялся из-за стола и прошел между пыльными саржевыми занавесками, отделявшими магазинчик от крошечной гостиной, где он проводил большую часть времени даже в рабочие часы. Газета валялась за винтовым табуретом, там, где антиквар ее бросил. Он открыл страницы и сразу увидел кричащий заголовок:

«МУМИЯ СТРАТФОРДА И ЕЕ ПРОКЛЯТИЕ ПРИБЫЛИ В ЛОНДОН».

На снимке ниже был изображен стройный молодой человек, спускавшийся с трапа судна «Мельпомена». На том же судне прибыла мумия Рамзеса Проклятого. «Генри Стратфорд, племянник умершего археолога», – гласила подпись под снимком. Да, это тот самый

человек, который только что вышел из магазина. Неужели он украл монету из гробницы, в которой так внезапно скончался его дядя? И сколько еще таких монет он украл? Антиквар пришел в замешательство: с одной стороны, он почувствовал облегчение, а с другой стороны, жалел, что сделка не состоялась. Он посмотрел на телефон.

Полдень. В столовой клуба тихо. Несколько постоянных посетителей пообедали в одиночестве за покрытыми белыми скатертями столами. Именно такую обстановку любил Рэндольф: здесь он мог отдохнуть от шумных улиц, от бесконечной суеты и напряженной атмосферы офиса.

И он совсем не обрадовался, увидев в дверях сына. Скорее всего, тот опять не спал всю ночь. Хотя, надо отдать ему должное, Генри был чисто выбрит и одет с иголочки. О таких мелочах он никогда не забывал. Хуже другое, то, с чем Рэндольф никак не мог смириться: у Генри нет будущего. Он пьяница и игрок, без чести и без совести.

Рэндольф опять принялся за суп.

Он не поднял глаз даже тогда, когда сын уселся напротив и заказал официанту виски с содовой – «и поживее».

– Я же сказал тебе, чтобы ты ночевал у кухни, – мрачно заметил Рэндольф. Пустой разговор. – Я оставил тебе ключ.

– Ключ у меня, спасибо. А моя кухня, не сомневаюсь, прекрасно обходится без меня. У нее есть компания: ее обожаемая мумия.

Официант поставил на стол бокал, и Генри немедленно осушил его. Рэндольф поднес ко рту еще одну ложку горячего супа.

– Какого черта ты обедаешь в этой дыре? Она уже десять лет назад вышла из моды. Обстановка как на похоронах.

– Говори потише.

– Почему это? Тут все глухие.

Рэндольф откинулся на спинку стула, кивнул официанту, и тот подошел забрать пустую тарелку.

– Это мой клуб. И мне здесь нравится, – равнодушно сказал он.

Все бессмысленно. Бессмысленно разговаривать с сыном. Когда он думает об этом, ему хочется плакать. Хочется плакать при виде того, как трясутся руки Генри, как он бледен и истощен, какие пустые у него глаза – глаза пьяницы и наркомана.

– Принеси-ка бутылку, – не глядя, бросил официанту Генри и обратился к отцу: – У меня осталось всего двадцать фунтов.

– Мне больше нечего тебе дать, – устало сказал Рэндольф. – Пока она все держит на контроле, положение просто отчаянное. Ты ничего не понимаешь.

– Ты лжешь. Я знаю, что вчера она подписала документы...

– Ты получил жалованье за целый год вперед...

– Отец, мне срочно нужны сто фунтов!

– Если она сама проверит конторские книги, я признаюсь во всем; тогда у меня, может быть, появятся хоть какие-то возможности...

Ему стало легче оттого, что он наконец произнес это. Возможно, он высказал свое тайное желание. Вдруг Рэндольф увидел своего сына со стороны. Да, нужно рассказать племяннице всю правду и попросить ее... О чем? О помощи.

Генри фыркнул:

– Хочешь сдать на ее милость? Замечательно.

Рэндольф посмотрел в сторону, на длинный ряд покрытых белыми скатертями столов. Теперь в столовой, в самом дальнем углу, остался только почтенный седовласый джентльмен, обедавший в одиночестве. Младший виконт Стефенсон – один из старейших землевла-

дельцев, у которого еще имелись на счету средства для поддержания обширных владений. Ну что ж, пообедай с миром, дружище, устало подумал Рэндольф.

– А что нам остается делать? – мягко обратился он к сыну. – Приходи на работу завтра утром. Хотя бы покажись.

Слушал ли его сын, который всегда, сколько Рэндольф помнил, был таким жалким, его сын, у которого нет ни будущего, ни амбиций, ни мечтаний, ни планов?

Внезапно у Рэндольфа защемило в груди: он вспомнил эти долгие-долгие годы, в течение которых сын постепенно превращался в неудачника, изворотливого и злобного. Как больно видеть его несчастные глаза, бездумно оглядывающие нехитрые предметы, расставленные на столе: тяжелое серебро, салфетку, которая так и осталась нетронутой, стакан и бутылку шотландского виски...

– Ладно, я дам тебе денег.

Что значит какая-то сотня фунтов? Ведь это его единственный сын. Единственный сын.

Надо выполнить печальный долг – появиться на приеме. Когда Эллиот прибыл, дом Стратфордов был переполнен гостями. Он всегда любил этот дом с его роскошной парадной лестницей, с его непривычно просторными комнатами.

Масса темного дерева, множество высоченных книжных шкафов и при этом удивительно радостная атмосфера из-за обилия электричества и нескончаемых полотнищ золотистых обоев. Но когда Эллиот вошел в приемный зал, его пронзила острая тоска по Лоуренсу. Он чувствовал присутствие Стратфорда во всем. И в этот момент он вспомнил их многолетнюю дружбу и горько пожалел о том времени, что проводил без Лоуренса. Оказалось, даже воспоминание о юношеской любви до сих пор ранит его.

Ну да, он знал, что когда-нибудь это случится, что он испытает такую боль. И все-таки в этот вечер ни один дом на свете не притягивал его так сильно, как этот дом, где должна была состояться первая официальная демонстрация Рамзеса Проклятого, найденного Лоуренсом Эллиот приветственно помахал рукой людям, которые кинулись раскланиваться с ним, и, кивая старинным друзьям и незнакомцам, двинулся прямо к египетскому залу. Сегодня у него здорово разболелась нога, наверное, как он привык говорить, из-за тумана. Поэтому он взял с собой новую прогулочную трость, которая ему нравилась: прочную, с серебряным набалдашником.

– Благодарю вас, Оскар, – произнес Эллиот с дежурной улыбкой, принимая первый бокал белого вина из рук дворецкого.

– Не торопись, старина, – грустно сказал подошедший к нему Рэндольф. – Они еще только собираются разбинтовывать это отвратительное существо. Можем пойти вместе.

Эллиот кивнул. Рэндольф выглядел ужасно – понятно почему. Смерть Лоуренса выбила почву у него из-под ног. И все-таки он держался молодцом.

Они пошли вдвоем в первые ряды зрителей, и глазам Эллиота предстал поразительной красоты саркофаг, в котором покоилась мумия.

Невинное детское выражение золотой маски очаровало его. Потом взгляд скользнул ниже – к рядам надписей, которые опоясывали нижнюю часть фигуры. Латинские и греческие слова, начертанные в стиле египетских иероглифов.

Эллиот отвлекся – Хэнкок из Британского музея призвал собравшихся к тишине, звонко постучав ложечкой по хрустальному бокалу. Рядом с Хэнкоком стоял Алекс, обнимавший за талию Джулию, которая выглядела обворожительно в своем траурном одеянии, с гладкой прической, открывавшей бледное лицо, которое – теперь в этом мог убедиться весь мир – было так прекрасно, что не нуждалось ни в пудре, ни в косметике.

Они встретились взглядами, и Эллиот грустно улыбнулся Джулии, тут же увидев, как просияли ее глаза в ответ: она всегда радовалась встрече с ним. «Странно, – подумал он, –

я интересен ей больше, чем мой сын. Какая ирония!» Алекс наблюдал за всеми приготовлениями с явным недоумением. Почему он всегда такой растерянный? Размазня он – вот в чем беда.

Внезапно слева от Хэнкока возникла фигура Самира Айбрахама. Еще один старый друг. Но Самир немного нервничал и не заметил Эллиота. Он приказал двоим молодым людям аккуратно взяться за крышку саркофага и ждать дальнейших распоряжений. Те стояли с опущенными глазами, словно их смущало представление, в котором они участвовали. В зале наступила мертвая тишина.

– Леди и джентльмены, – произнес Самир. Молодые люди тут же приподняли крышку и сдвинули ее в сторону. – Разрешите представить вам Рамзеса Великого.

Теперь все могли увидеть мумию – туго стянутую толстыми, обесцвеченными от времени пеленами высокую фигуру мужчины со скрещенными на груди руками, мужчины, по всей видимости, лысого и нагого.

Толпа дружно ахнула. В золотистом свете электрических лампочек и нескольких разбросанных тут и там свечных канделябров мумия выглядела устрашающе – как и все мумии. Смерть, которую сохранили и оправили в раму.

Потом раздалась жидкие аплодисменты. Кто-то пожимал плечами, кто-то смущенно хихикал, и наконец сквозь плотную стену зрителей стали проталкиваться самые любопытные – чтобы получше рассмотреть мумию. Подойдя, они отшатывались, точно от жара костра. Многие сразу же отворачивались.

Рэндольф вздохнул и покачал головой:

– Неужели Лоуренс умер вот из-за этого? Хотелось бы знать отчего.

– Не следует быть таким впечатлительным, – сказал стоящий рядом с ним мужчина. Эллиот наверняка был с ним знаком, но не мог вспомнить его имя. – Лоуренс был счастлив...

– ...Заниматься тем, что ему нравилось, – прошептал Эллиот. Еще раз он услышит такое – не сможет удержаться от слез.

Конечно, Лоуренс был счастлив, когда изучал найденные им сокровища. Лоуренс был счастлив, когда переводил эти свитки. Смерть Лоуренса – страшная трагедия. Какой-либо иной вывод мог сделать только законченный идиот.

Пожав Рэндольфу руку, Эллиот покинул его и стал медленно пробираться поближе к высохшему телу Рамзеса.

Молодое поколение, казалось, решило дружно воспрепятствовать его продвижению, сгрудившись вокруг Алекса и Джулии. Эллиот слышал ее взволнованный голос, перекрывавший гомон гостей, и обрывки речи.

– ...Удивительная история на этом папирусе, – поясняла Джулия. – Но отец только начал переводить. Хотелось бы знать, Эллиот, что вы думаете об этом.

– О чем именно? – Он как раз подошел к самой мумии и внимательно разглядывал ее, поражаясь тому, как отчетливо видно выражение лица под толстым слоем тряпья.

Джулия подошла ближе, и Эллиот взял ее за руку. Толпа напирала, стараясь получше рассмотреть экспонат, но Эллиот не уступал своего места.

– Мне хотелось бы услышать ваше мнение обо всей этой таинственной истории, – сказала Джулия. – Правда ли, это саркофаг девятнадцатой династии? Как получилось, что он украшен в римском стиле? Когда-то отец сказал мне, что вы разбираетесь в египтологии лучше, чем любой сотрудник музея.

Эллиот добродушно хохотнул. Джулия смущенно оглянулась, чтобы убедиться, что рядом нет Хэнкока. Слава богу, он стоял в центре другой плотной толпы, давая разъяснения по поводу свитков и изысканных кувшинов, расставленных в ряд вдоль стены под зеркалом.

– Ну и что вы думаете? – повторила вопрос Джулия. Была ли когда-нибудь ее серьезность столь соблазнительной?

– Вряд ли это Рамзес Великий, милая моя, – ответил Эллиот. – Ты и сама это знаешь. – Он снова посмотрел на расписанную крышку саркофага и на покоящееся в ветхом тряпье высохшее тело. – Превосходная работа, ничего не скажешь. Химикалии почти не использовались; битумом совсем не пахнет.

– А там и нет битума, – внезапно вмешался в разговор Самир. Он стоял слева, и Эллиот его не видел.

– И как же ты это объясняешь? – спросил Эллиот.

– Царь сам дал подробные разъяснения, – сказал Самир. – Во всяком случае, так сказал мне Лоуренс. Рамзес лично распорядился, чтобы его погребли и отпели по всем правилам; но его тело не подвергали бальзамированию. Его никогда не выносили из той комнаты, где он писал свою историю.

– Очень любопытно! – воскликнул Эллиот. – А ты сам-то читал эту историю? – Он указал на латинскую надпись и начал переводить вслух – «Не позволяйте лучам солнца падать на мой останки, ибо только в темноте я сплю. А вместе со мной спят мои страдания и мои познания...» Совсем не похоже на чувства египтянина. Думаю, ты со мной согласишься.

При взгляде на крошечные буквы лицо Самира омрачилось.

– Повсюду одни проклятия и предостережения. Пока мы не вскрыли эту странную гробницу, я был очень любопытным человеком.

– А теперь ты испугался? – Мужчине не очень-то приятно задавать такой вопрос другому мужчине. Но факт есть факт.

У Джулии перехватило дыхание.

– Эллиот, мне хочется, чтобы вы прочитали отцовские записи до того, как музейные работники отберут все это и запрут в архивах. Этот человек не просто объявил себя Рамзесом. Там вообще много интересного.

– Ты имеешь в виду всю эту бумажную чепуху? – спросил Эллиот. – О его бессмертии, о любви к Клеопатре?

Джулия бросила на него странный взгляд.

– Отец перевел только часть, – повторила она. И отвела глаза в сторону. – У меня есть его дневник. Он на столе. Думаю, Самир согласится со мной. Вам будет интересно почитать его.

Но в это время Самира потянул за собой Хэнкок, которого сопровождал какой-то господин с хитрой улыбкой. А Джулию отвлекла леди Тридвел. Неужели Джулию не пугает проклятие? Рука девушки выскользнула из ладони Эллиота. Старый Винслоу Бейкер желал немедленно переговорить с ним. Нет, не здесь, надо отойти в сторонку. Высокая женщина с впалыми щеками и длинными белыми руками стояла возле саркофага и требовала разъяснений. Она уверяла, что мумия ненастоящая, что над ними всеми кто-то пошутил.

– Конечно же нет! – возразил Бейкер. – Лоуренс всегда находил только подлинники, голову даю на отсечение.

Эллиот улыбнулся:

– Как только музейные ребята снимут с мумии пелены, они смогут датировать время захоронения. И точный возраст останков тоже будет установлен.

– О, граф Рутерфорд, а я вас и не узнала, – сказала женщина.

Господи, неужели и ему нужно напрягать память, чтобы узнать ее? Кто-то заслонил от него эту женщину – все хотели лучше рассмотреть мумию. Надо было бы отойти в сторону, но трогаться с места не хотелось.

– Мне страшно подумать о том, как они будут ее разворачивать, – негромко произнесла Джулия. – Я сейчас впервые увидела ее. Сама не посмела открыть крышку.

– Пойдем, дорогая, я хочу познакомить тебя со своим старым приятелем, – вмешался Алекс. – Отец, ты здесь! Ты еле стоишь на ногах. Давай я тебя где-нибудь посажу.

– Ничего, ничего, я как-нибудь сам, иди, – ответил Эллиот.

Он уже притерпелся к боли. Привычным стало ощущение, будто крошечные лезвия впиваются в суставы, а сегодня вечером они добрались и до пальцев. Но Эллиот умел забывать о боли, совсем забывать – как сейчас.

Теперь он остался один на один с Рамзесом Проклятым насмотревшись, публика повернулась к мумии спиной. То, что надо.

Он прищурился и склонился к самому лицу мумии. Удивительно хорошо сохранилось, разрезов нет вовсе. Это лицо молодого человека, а ведь Рамзес должен быть стариком он царствовал шестьдесят лет.

Рот юноши или, по крайней мере, мужчины в расцвете лет. И нос прямой, узкий – такой формы носы англичане называют аристократическими. Изящные надбровные дуги. Глаза, наверное, большие. Вероятно, он был красавцем. Но кто-то, видимо, в этом сомневался.

В толпе резко заметили, что мумии место в музее, а не в частном доме. Кто-то назвал ее отвратительной. Надо же, и эти люди считают себя друзьями Лоуренса!

Хэнкок рассматривал разложенные на бархатной подушечке золотые монеты. Самир стоял рядом.

Похоже, Хэнкок затевает какую-то возню. Эллиот знает, как он навязчив и бесцеремонен.

– Их было пять, всего пять? Вы в этом уверены? – громко вопрошал Хэнкок. Можно подумать, Самир не просто египтянин, а глухой египтянин.

– Абсолютно уверен. Я же говорил вам, – с легким раздражением отвечал Самир. – Я собственноручно сделал опись всех предметов, находившихся в гробнице.

Хэнкок бросил подозрительный взгляд в противоположный конец зала Эллиот посмотрел туда же и увидел Генри Стратфорда, стройного молодого человека в серо-голубом шерстяном костюме, с туго подпирющим шею белым шелковым галстуком. Генри стоял среди молодежи, окружавшей Джулию и Алекса, молодежи, которую он втайне презирал и ненавидел. Он болтал и смеялся – немного нервозно, как показалось Эллиоту.

«Как всегда, привлекателен», – подумал Эллиот. Привлекателен, словно ему по-прежнему двадцать; узкое лицо аристократа постоянно меняло выражение – то вспыхивало огнем обиды, то каменело в холодном высокомерии.

Но почему Хэнкок так пристально смотрит на него? И что он нашептывает на ухо Самиру?

Самир молчал, потом вяло пожал плечами и тоже посмотрел в сторону Генри.

Как ненавистно все это Самиру, подумал Эллиот. Как, должно быть, ему ненавистен неудобный костюм западного покроя, как он тоскует по своей джеллабе² из мокрого шелка, по своим тапочкам! Какими варварами кажемся ему все мы!

Эллиот прошел в дальний конец зала и устроился в кожаном кресле Лоуренса. Толпа то расступалась, то снова смыкалась, и тогда он видел Генри, который переходил от группы к группе и растерянно поглядывал по сторонам. Очень благороден, совсем не похож на театрального злодея, но что-то его явно тревожит. Что?

Генри медленно шел мимо мраморного стола. Его рука поднялась, словно он собрался потрогать древние свитки. Толпа опять сомкнулась. Эллиот терпеливо ждал. Наконец небольшая группа людей, загораживавшая поле видимости, отодвинулась в сторону, и он опять увидел Генри: тот рассматривал лежавшее на стеклянной полочке ожерелье, одну из маленьких реликвий, привезенных Лоуренсом домой несколько лет назад.

² Джеллаба – традиционная мусульманская одежда, закрывающая все тело. – *Прим. ред.*

Видит ли кто-нибудь еще, как Генри берет в руки ожерелье и любовно разглядывает его, будто заправский антиквар? Видит ли кто-нибудь, как он опускает безделушку в карман и идет прочь – с невозмутимым лицом, со сжатыми в ниточку губами?

Вот ублюдок!

Эллиот только улыбнулся. Отхлебнул охлажденного белого вина и пожалел, что это не бренди. Горько, что он стал свидетелем жалкой кражи. Лучше бы он вообще не смотрел на Генри.

У него были свои тайные воспоминания о Генри, своя тайная боль, которой он никогда ни с кем не делился. Даже с Эдит, хотя он рассказывал ей о себе массу грязных подробностей – когда вино и потребность пофилософствовать развязывали ему язык; даже с католическими священниками, к которым заходил иногда побеседовать о рае и аде в таких сильных выражениях, которых никто, кроме них, не смог бы вынести.

Он пытался уговаривать самого себя, что, если намеренно не будет оживлять память о тех черных днях, все потихоньку забудется. Но даже сейчас, спустя десять лет, воспоминания оставались дьявольски яркими и живыми.

Однажды у него было тайное любовное свидание с Генри Стратфордом. Из всех любовников Эллиота Генри Стратфорд оказался единственным, кто потом сделал попытку шантажировать его.

Разумеется, он остался с носом. Эллиот рассмеялся ему в лицо. Сказал, что тот блефует.

«Может, мне самому рассказать обо всем твоему отцу? Или сначала дядюшке Лоуренсу? На меня он страшно разозлится... ну, наверное, минут на пять. Но тебя, своего обожаемого племянника, он будет презирать до самой смерти. Потому что я расскажу ему все, понимаешь – все; я даже назову ту сумму, которую ты вымогаешь. Сколько? Пятьсот фунтов? Только представь, из-за этих денег ты прослывешь мерзавцем».

Генри было и стыдно и обидно. Он был жестоко посрамлен.

Эллиот мог торжествовать. Но пережитое унижение не пошло Генри впрок: в двадцать два года этот гаденыш с лицом ангела явился к нему в парижский отель, и Эллиот не устоял – как какой-то мальчишка из бедняков.

А потом начались мелкие кражи. Через час после ухода Генри из отеля Эллиот обнаружил пропажу портсигара и набитого наличными бумажника. Пропал также выходной костюм, исчезли дорогие запонки. Остальных пропаж он уже не помнил.

Тогда он не унизился до расследования. Он просто погоревал. Но сейчас ему ужасно захотелось разоблачить Генри, подойти к нему тихонько и поинтересоваться, каким же образом попало к нему в карман ожерелье. Может, Генри собирается присоединить его к золотому портсигару, к бумажнику с инкрустациями и к бриллиантовым запонкам? Или отнесет знакомому ростовщику?

Как все это печально! Генри был одаренным юношей, но все пошло прахом, несмотря на образование, хорошую наследственность и бесчисленные возможности. Еще мальчишкой он пристрастился к игре; к двадцати пяти годам любовь к выпивке перешла в болезнь; и теперь, в тридцать два, его окружала какая-то зловещая аура, которая сделала его внешность еще более привлекательной и тем не менее отталкивающей. Кто страдал от этого? Конечно же Рэндольф, который вопреки очевидному был уверен, что во всех несчастьях Генри виноват он, его отец.

«Пусть катятся ко всем чертям», – подумал Эллиот. Может быть, он искал в Генри отблески того блаженства, которое испытывал с Лоуренсом? Может, он сам во всем виноват, видя в племяннике дядю? Нет, с его стороны все было честно. Ведь, в конце концов, Генри Стратфорд сам преследовал его. Ладно, к черту Генри.

Эллиот пришел сюда ради мумии. Толпа уже рассеялась. Он взял с подноса новый бокал вина, поднялся, стараясь не обращать внимания на острую боль в бедре, и медленно направился к мрачной фигуре в саркофаге.

Он вновь всмотрелся в ее лицо, задержав взгляд на суровом изгибе губ и волевом подбородке. Да, мужчина в самом расцвете сил. Под ветхими бинтами виднелись волосы, прижатые к ладно скроенному черепу.

Эллиот приветственно поднял свой бокал.

– Рамзес, – придвинувшись ближе, прошептал он, а потом перешел на латынь: – Добро пожаловать в Лондон! Ты знаешь, где находится Лондон? – Эллиот тихо засмеялся сам над собой: надо же, он говорит на латыни с этим неодушевленным предметом! Он процитировал несколько фраз из записок Цезаря о завоевании Британии. – Вот где ты сейчас, великий царь. – Эллиот сделал робкую попытку вспомнить что-нибудь из греческого, но это оказалось ему не по силам, и он вернулся к латыни. – Надеюсь, этот мерзкий город понравится тебе больше, чем мне.

Неожиданно раздался какой-то слабый шорох.

Откуда это? Поразительно, но он отчетливо слышался среди гула разговоров и шумной суматохи, парящей в зале. Похоже, звук исходил из саркофага.

Эллиот снова взгляделся в лицо мумии. Потом посмотрел на плечи и руки: казалось, они распирают ветхие пелены и те готовы вот-вот прорваться. И точно, в темных грязных тряпках появилась заметная трещина, сквозь которую проглядывали нижние покровы – в том месте, где скрещивались запястья. Плохо. Мумия разрушается прямо на глазах. Или за работу принялись паразиты? Это надо немедленно прекратить.

Эллиот опустил глаза к ногам мумии. Тоже непорядок.

На полу появился крошечный холмик пыли, и, пока Эллиот смотрел, пыль продолжала сыпаться с запястья правой руки, на которой треснули пелены.

– Господи! Джулия должна немедленно перевезти ее в музей, – прошептал Эллиот. И снова услышал звук. Шорох? Нет, слабее шороха. Да, о мумии надо как следует позаботиться. Это ей навредил проклятый лондонский туман. Самир наверняка знает, что надо делать. И Хэнкок.

Эллиот снова заговорил с мумией на латыни:

– Я тоже не люблю туман, великий царь. Он причиняет мне боль. Поэтому сейчас я пойду домой, оставив тебя с твоими поклонниками.

Он развернулся, тяжело налегая на трость, чтобы облегчить боль в бедре. Один раз он оглянулся. Мумия выглядела очень уж крепкой. Словно египетская жара не до конца иссушила ее.

Дейзи не отрывала глаз от крошечного ожерелья, пока Генри застегивал замочек у нее на шее. Ее артистическая уборная была битком набита цветами, бутылками красного вина, шампанским в ведерках со льдом и другими подношениями, но ни один из ее поклонников не был так красив, как Генри Стратфорд.

– Очень милая вещица, – сказала Дейзи, склонив голову набок. Тоненькая золотая цепочка, маленький кулончик, на котором вроде бы что-то нарисовано. – Откуда это у тебя?

– Она стоит гораздо больше, чем весь твой мусор, – улыбаясь, сказал Генри. Говорил он невнятно – опять пьян. А это значит, что он будет или зол, или невероятно нежен. – Ладно, цыпочка, собирайся, пойдём к Флинту. Я чувствую, что мне должно здорово повезти, и сто фунтов уже почти прожгли дыру в моем кармане. Пошли скорее.

– А что, твоя сумасбродная сестрица так и сидит в своем доме одна с этой дьявольской мумией?

– Кого это, к черту, волнует? – Генри достал из шкафа накидку из меха белой лисицы, которую когда-то купил для Дейзи, и накинул ей на плечи. Потом потянул подругу к выходу.

Когда они пришли к Флинту, народу там было видимо-невидимо. Дейзи ненавидела табачный дым, ненавидела кислый запах перегара, но ей всегда нравилось бывать здесь с Генри, когда у того водились деньги и когда он был в таком возбужденном состоянии. Подойдя к столу с рулеткой, Генри нежно поцеловал Дейзи в щеку.

– Правила ты знаешь. Стой слева от меня, только слева. Обычно это приносит удачу.

Она кивнула. Осмотрела одетых с иголки джентльменов, увешанных драгоценностями дам. А у нее на шее эта нелепая висюлька... У Дейзи испортилось настроение.

Джулия подскочила на месте. Что это за звук? Она чувствовала себя очень неудобно здесь, в мрачной библиотеке, в полном одиночестве.

Больше тут никого не было, но Джулия могла поклясться, что услышала чье-то присутствие. Не шаги, нет. Просто какие-то еле различимые звуки, выдающие присутствие другого человека.

Она взглянула на покоившуюся в саркофаге мумию. В полутьме Джулии показалось, что спеленутая фигура покрыта тонким слоем пепла. Мумия выглядела особенно мрачной, будто погрузилась в невеселые размышления. Раньше Джулия этого не замечала. Черт побери, мумию словно мучают дурные сны, кошмары. Джулии даже почудилось, что лоб Рамзеса прорезала морщина.

Радовалась ли Джулия, что саркофаг не закрыли крышкой? Вряд ли. Но было уже поздно. Она дала себе слово, что сама не притронется ни к одной из отцовских находок. Надо ложиться спать: она страшно устала. Старые друзья отца никак не хотели уходить. А потом ворвалась целая толпа журналистов. Ну что за наглая публика! В конце концов охранники выпроводили их, и все-таки они ухитрились несколько раз сфотографировать мумию. Пробыло час. Вокруг ни души. Почему же ее трясет? Джулия торопливо направилась к входной двери и собралась уже запереть ее, как вдруг вспомнила о Генри. Предполагалось, что он будет ее компаньоном и защитником. Странно, что за время приема он ни разу не заговорил с ней. И сейчас его наверняка нет в комнатах наверху. И все-таки... Джулия оставила дверь незапертой.

Когда Генри вышел на пустынную улицу, было страшно холодно. Он быстро натянул перчатки.

«Не стоило оскорблять ее, – подумал он. – Но зачем она спорила, черт бы ее побрал!» Он знал, что делает. Он в десять раз увеличил имеющуюся у него сумму! И если бы не последняя ставка. И когда он заспорил, не желая подписывать чек, Дейзи начала выступать: «Но ты должен!»

Генри пришел в ярость, когда они все уставились на него. Он знал, что он должен. Он знал, что делает. И потом этот Шарплс, этот подонок. Как будто он боится Шарплса!

И тут из полутемного закоулка выскочил Шарплс. Сначала Генри решил, что Шарплс ему померещился. Было темно, по земле стлался густой туман, но из верхнего окна сочился слабый свет, и в этом свете он увидел мерзкую физиономию бандита.

– Прочь с дороги, – сказал Генри.

– Опять не подфартило, сэр? – Шарплс поплелся следом. – А малышка любит деньги. Она всегда стоила недешево, сэр, даже когда работала на меня. А ведь я щедрый человек, вы же знаете.

– Отцепись от меня, ты, придурок.

Генри ускорил шаг. Свет фонаря остался позади. В такой час здесь кеб не поймать.

– У меня к вам маленькое дельце, сэр.

Генри остановился. Монета Клеопатры. Интересно, поймет ли этот болван, сколько она стоит? Внезапно он почувствовал, что пальцы преследователя впились в его руку.

– Как ты смеешь! – Генри отшатнулся. Потом медленно вытащил из кармана монету, поднес ее к свету и, презрительно вздернув бровь, наблюдал, с какой жадностью бандит отбирает ее и разглядывает, положив на ладонь.

– Вот это красота, сэр. Настоящая вещь. – Он перевернул монету, будто надписи что-то значили для него. – Вы сперли ее, сэр, стащили из сокровищницы своего дяди, да?

– Так ты берешь или нет?

Шарплс зажал монету в кулаке, словно показывал фокус ребенку.

– И совесть вас не мучила, сэр? – Он опустил монету в карман. – Вы сперли ее как раз в ту минуту, когда он агонизировал, сэр? Или вы все-таки подождали, пока он помрет?

– Пошел к черту!

– Так просто вам не отделаться, сэр. Нет, сэр, этого мало. Ведь вы задолжали гораздо больше и мне, и тому джентльмену из казино Флинта.

Генри ускорил шаг. Чтобы шляпу не снесло ветром, ему пришлось ухватиться за тулью. Он побежал к ближайшему углу. Судя по громкому стуку подошв, Шарплс не отставал. Впереди, в туманной мгле, не было ни души. Свет из открытой двери заведения Флинта уже не доходил сюда.

Он понял, что Шарплс нагоняет. Рука скользнула в карман. Нож. Генри медленно вытащил его и крепко сжал рукоять.

Шарплс вцепился ему в плечо.

– Похоже, вас нужно проучить, сэр. Долги надо отдавать, сэр, – произнес ублюдок.

Генри резко развернулся, ударил Шарплса коленом, и тот зашатался, теряя равновесие. Шелк его плаща поблескивал во тьме, и Генри прикинул на глаз, где под плащом находятся ребра. Промашки быть не должно. Нож на удивление легко вонзился в плоть. Сверкнули белые зубы – Шарплс разинул рот в немом крике.

– Я же сказал тебе, кретин, отвяжись от меня! Генри вытащил нож и ударил снова. На этот раз он услышал, как лопнул шелк, и, дрожа, отступил.

Пошатываясь, Шарплс сделал несколько шагов, упал на колени, ткнулся лбом в асфальт и мягко завалился на бок. Тело его обмякло и осталось лежать неподвижно.

В темноте Генри не видел лица Шарплса. Он видел только распростертое на земле тело. Леденящий холод ночи парализовал его. Стук сердца отдавался в ушах – точно так же, как тогда, в египетской усыпальнице, когда он смотрел на лежащее на земляном полу тело мертвого Лоуренса.

Ладно, ну его к черту! Почему он не отстал? Ярость привела Генри в чувство. От холода затянутая в перчатку правая рука не разжималась, в ней по-прежнему была стиснута рукоять ножа. Генри медленно поднял левую руку, сложил лезвие и убрал нож в карман.

Потом огляделся. Темно, тихо. Лишь откуда-то с отдаленной улицы доносилось негромкое урчание автомобильного мотора. Из какого-то дырявого водостока сочилась вода. Над головой слабо светилось небо цвета серого шифера.

Генри присел на корточки, протянул руку к мерцающему во тьме шелку плаща и, стараясь не дотрагиваться до расплывшегося на ткани большого влажного пятна, залез во внутренний карман. Бумажник. Толстый, набитый деньгами.

Он даже не стал проверять его содержимое. Вместо этого засунул бумажник в свой карман, туда же, где лежал нож. Потом поднялся, выставил вперед подбородок, уверенно зашагал прочь и даже начал насвистывать.

Позже, устроившись на заднем сиденье уютного кеба, Генри взял бумажник в руки. Три сотни фунтов. Ну что ж, неплохо. Он смотрел на пачку мятых банкнот, и постепенно им овладел ужас. Генри не мог ни двинуться, ни говорить. Когда он все-таки выглянул из

маленького окошка кеба, то увидел лишь грязное серое небо над крышами унылых многоквартирных домов. Радости не было, ничего не хотелось, казалось, что ничего уже не будет, кроме беспросветной, безнадежной тоски, которую он испытывал.

Три сотни фунтов. Он убил человека не из-за этих денег. И вообще, кто сможет сказать, что он кого-то убил? Дядя Лоуренс умер от удара в Каире. А что касается Шарплса, этого отвратительного ростовщика, с которым он как-то вечером познакомился у Флинга, – так мало ли что, может, он стал жертвой одного из своих не менее отвратительных собратьев. Кто-то напал на него в темном переулке и всадил нож под ребра.

Конечно, именно так все и было. Кто свяжет его имя с такими грязными убийствами?

Он Генри Стратфорд, вице-президент «Судоходной компании Стратфорда», член избранного семейства, его сестра в скором времени соединится брачными узами с графом Рутерфордом. Никто не посмеет...

Сейчас он позвонит своей сестренке. Объяснит ей, что немного проигрался. И она наверняка одолжит ему кругленькую сумму, возможно трижды превышающую ту, какой он в данный момент располагает. Она поймет, что его проигрыши – явление временное. И он отмоет эти деньги, и ему станет легче.

Его сестра, его единственная сестренка. Когда-то они любили друг друга – Джулия и он. Любили, как могут любить друг друга только брат и сестра. Он напомнит ей об этом. Она не станет вредить ему, и тогда он сможет расслабиться, тогда он сможет немного отдохнуть.

Вот это страшнее всего. Он не может расслабиться.

Глава 3

Джулия медленно спускалась вниз по лестнице, в шлепанцах, в кружевном пеньюаре, расходящиеся длинные полы которого приходилось придерживать рукой, чтобы не споткнуться. Ее каштановые волосы волнами падали на спину, рассыпались по плечам.

Войдя в библиотеку, она увидела солнце – мощный поток золотого света лился из оранжей через открытые двери, сквозь гущу папоротников. Свет танцевал в фонтане и в сплетении листвы под стеклянным потолком.

Длинные косые лучи дотягивались до темного угла и падали на золотую маску Рамзеса Проклятого, освещали мрачные краски восточного ковра и саму мумию в открытом саркофаге – с туго стянутым бинтами лицом и с почти прозрачными конечностями, которые, казалось, светились изнутри и приобрели золотистый оттенок пустынных песков в раскаленный полдень.

Комната на глазах наполнялась светом. Внезапно солнце выхватило из тьмы покоящиеся на черном бархате золотые монеты. Оно заставило заблестеть мраморный бюст Клеопатры, вокруг которого образовался золотистый ореол. Солнце заискрилось на всех предметах, покрытых золотом: на крышечках пузырьков и кувшинов, на золотых тиснениях книг в кожаных переплетах. Оно высветило имя «Лоуренс Стратфорд» на дневнике, лежавшем на столе.

Джулия стояла не двигаясь и наслаждалась окружившим ее теплом. От унылого тумана не осталось ничего – даже запаха. И ей показалось, что мумия, словно отвечая мощному приливу тепла, зашевелилась. Джулии почудилось, что она вздохнула – почти неслышно, как вздыхает, раскрываясь, цветок. Какая фантастическая иллюзия! Конечно же мумия не двигалась. И все же теперь она стала чуть объемнее, руки и плечи как бы округлились, пальцы напряглись, будто живые.

– Рамзес... – прошептала Джулия.

Опять тот же звук, тот самый, что испугал ее ночью. Нет, это не звук, не совсем то, что можно назвать звуком. Это дыхание огромного дома. Дышит дерево, дышит штукатурка. Это проделки утреннего тепла. Джулия на мгновение прикрыла глаза и услышала шаги Риты. Конечно же, пришла Рита... Эти звуки исходят от нее: сердцебиение, дыхание, шелест одежды.

– Мисс, я уже говорила вам, мне ужасно не нравится, что в доме находится эта штука-вина, – сказала Рита.

Опять тот звук. Может, это шелест метелки из перьев, которой Рита смахивает с мебели пыль?

Джулия не отрываясь смотрела на мумию, потом подошла совсем близко и взгляделась в ее лицо. Господи! Ночью она его не разглядела. Сейчас, в солнечных лучах, оно казалось совсем другим. Это было лицо живого человека.

– Говорю вам, мисс, меня трясет от страха.

– Не глупи, Рита. Будь умницей, принеси мне кофе. Она приблизилась к мумии вплотную. В конце концов, здесь никого нет, никто ее не остановит. Если хочется, можно потрогать. Джулия слышала хныканье Риты. Слышала, как открылась и закрылась дверь кухни. И лишь тогда дотронулась до древних бинтов, в которые была замотана правая рука мумии. Ткань оказалась очень мягкой, очень ветхой. И горячей от солнечного света!

– Солнце вредно для тебя, правда? – спросила Джулия, глядя в глаза мумии, будто иначе было бы невежливо. – Но мне не хочется, чтобы тебя уносили отсюда. Я буду скучать по тебе. Я не позволю им разрезать тебя. Честное слово, не позволю.

Неужели она видит каштановые волосы под покрывающими череп бинтами? Казалось, они на глазах становятся гуще, казалось, им больно из-за того, что они прижаты к голове так туго, создавая иллюзию голого черепа. Удивительное зрелище захватило воображение Джулии, и она задумалась. В мумии чувствовалась личность – так же, как в прекрасной скульптуре. Высокий, широкоплечий Рамзес – со склоненной головой, со смиренно скрещенными на груди руками.

С болезненной ясностью вспомнила Джулия отцовские записи.

– Ты на самом деле бессмертен, дорогой, – произнесла она – Мой отец позаботился об этом. Ты можешь проклинать нас за то, что мы проникли в твою усыпальницу, но теперь на тебя будут смотреть тысячи людей, тебя будут называть по имени. Ты на самом деле будешь жить вечно...

Странно, она вот-вот расплачется. Отец умер. А с ней эта мумия, которая так много для него значила. Отец лежит в холодной могиле в Каире – он всегда хотел, чтобы его похоронили в Египте. А Рамзес Проклятый греется на лондонском солнце.

Она вздрогнула от неожиданности, услышав голос Генри:

– Ты болтаешь с этой проклятой тварью точно так же, как твой отец.

– Господи, я же не знала, что ты здесь! Откуда ты взялся?

Он стоял в арке между двумя гостиными, с плеча его свисал длинный саржевый шарф. Генри был небрит и, скорее всего, пьян. И эта мерзкая ухмылка... Джулии стало не по себе.

– Предполагалось, что я буду заботиться о тебе, – сказал Генри. – Помнишь?

– Конечно помню. Думаю, ты от этого в восторге.

– Где ключ от бара? Он почему-то заперт. Какого черта Оскар его запирает?

– Оскар отпросился до завтра. Наверное, тебе стоит выпить кофе. Кофе тебе не повредит.

– Неужели, дорогая? – Генри закинул шарф на плечо и двинулся ей навстречу, окидывая египетский зал презрительным взглядом. – Неужели тебе нравится унижать меня? – спросил он, и на губах его вновь появилась та же ухмылка – Подруга моих детских игр, моя кузина, моя маленькая сестренка! Я ненавижу кофе. Мне хочется портвейна или хотя бы бренди.

– У меня нет ни того ни другого, – ответила Джулия. – Почему бы тебе не пойти наверх и не проспать?

В дверях появилась Рита. Она ждала распоряжений.

– Рита, пожалуйста, сделай еще один кофе – для мистера Стратфорда, – сказала Джулия.

Генри и не думал уходить. Было ясно, что он не собирается последовать ее совету. Он смотрел на мумию. Похоже, она чем-то здорово поразила его.

– Отец правда разговаривал с ним? – спросила Джулия. – Так же, как я?

Генри ответил не сразу. Отвернулся, прошел к алебастровым кувшинам, сохраняя тот же высокомерный и независимый вид.

– Да, он разговаривал с мумией так, словно она могла ответить ему. На латыни. Знаешь, мне кажется, твой отец уже давно был болен. Слишком долго он жил в жаркой пустыне, разбазаривая деньги на трупы, на статуи, на всякий хлам и безделушки.

Какие обидные слова! Сколько в них легкомыслия, сколько ненависти. Генри замер возле одного из кувшинов, стоя к Джулии спиной. В зеркале она увидела, как он заглядывает в кувшин.

– Но ведь он тратил *свои* деньги, не так ли? – спросила она. – Он многое сделал для нас всех. Во всяком случае, он так считал.

Генри резко обернулся:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что ты сам не очень-то хорошо распорядился своими деньгами.

– Я делал все, что было в моих силах. И вообще, кто ты такая, чтобы осуждать меня? – спросил Генри.

Внезапно на его лицо упал яркий солнечный луч, и Джулия испугалась: таким злобным оно было.

– А что ты скажешь об акционерах «Судоходной компании Стратфорда»? Для них ты тоже делал все, что было в твоих силах? Или и это не моего ума дело?

– Полегче, девочка моя, – сказал Генри, направляясь к ней. Высокомерно взглянув на мумию, словно она была полноправным участником разговора, он развернулся и, прищурившись, посмотрел на Джулию. – Теперь у тебя нет никого, кроме меня и моего отца. И ты нуждаешься в нас больше, чем тебе сейчас кажется. И вообще, что ты смыслишь в торговле и судостроении?

Забавно, он делает верный ход и тут же все портит. Конечно, оба они нужны ей, но это не имеет никакого отношения к торговле и судостроению. Они нужны ей, потому что они ее плоть и кровь, – какие, к черту, торговля и судостроение!

Джулии не хотелось, чтобы он заметил ее обиду. Она отвернулась к анфиладе гостиных и посмотрела в тусклые окна северной части дома. Там утро только начиналось.

– Я знаю, сколько будет дважды два, дорогой братец, – сказала она. – И это ставит меня в несколько неудобное положение.

Джулия с облегчением увидела, как в зал входит Рита, согнувшаяся под тяжестью подноса с серебряным кофейным сервизом. Она поставила поднос на стол в центре задней гостиной, в двух футах от Джулии.

– Спасибо, дорогая. Пока все.

Боязливо взглянув в сторону саркофага с мумией, Рита удалилась. И снова Джулия осталась наедине с братом. Неужели придется продолжить неприятный разговор? Она медленно повернулась и увидела, что Генри стоит напротив Рамзеса.

– Тогда давай поговорим о делах, – предложил он и встал к ней лицом.

Он ослабил шелковый галстук, стащил его с шеи, засунул в карман и, покачиваясь, направился к Джулии.

– Я знаю, чего ты хочешь, – сказала она – Я знаю, чего вы оба с дядей Рэндольфом хотите от меня. И самое главное, я знаю, что вам от меня нужно. Ты хочешь получить свою долю наследства, чтобы расплатиться с долгами. Господи! Ты совсем запутался.

– Какое ханжество, – произнес Генри. Он стоял теперь в двух шагах от сестры, спиной к ослепительному солнцу и к мумии. – Суфражистка, малютка археолог. А теперь собираешься попробовать себя в бизнесе, да?

– Попытаюсь, – холодно ответила Джулия. Она тоже рассердилась. – А что мне еще остается? Позволить твоему отцу окончательно промотать все? Боже, как мне тебя жаль!

– О чем это ты? – спросил Генри, приблизив к ней заросшее щетиной лицо и дыша перегаром. – Ты что, хочешь, чтобы мы отчитались перед тобой? Я правильно тебя понял?

– Пока не знаю. – Джулия повернулась к нему спиной, прошла в первую гостиную и открыла небольшой секретер. Сев за него, вытащила чековую книжку и сняла крышку с чернильницы.

– Скажи-ка, братец, приятно ли это – иметь денег больше, чем можешь истратить, больше, чем можешь даже сосчитать? И при этом не сделав ничего, чтобы заработать их?

Джулия обернулась и, не глядя, протянула чек. Затем поднялась, подошла к окну и, отдернув кружевную занавеску, выглянула на улицу. «Пожалуйста, Генри, уходи, – уныло подумала она, – уходи отсюда». Ей не хотелось обижать дядю. Ей вообще не хотелось кого-то обижать. Но что же делать? Она уже давно знала о растратах Рэндольфа В последний раз, когда Джулия ездила в Каир, они с отцом обсуждали это. Разумеется, он собирался взять ситуацию под контроль. Давно собирался. А теперь это бремя пало на нее.

Джулия резко обернулась. Ее смутила тишина. Она увидела, что брат опять стоит в египетском зале и смотрит на нее холодными пустыми глазами.

– А когда ты выйдешь замуж за Алекса, ты лишишь нас нашей доли наследства?

– Ради бога, Генри, уходи, оставь меня в покое. Какое-то странное выражение появилось у него на лице, выражение мрачной решимости. «А ведь Генри уже не назовешь молодым, – подумала Джулия. – Он безнадежно устарел со своими вредными привычками, с бесконечными провинностями и самообманом. Он нуждается в сочувствии». Но чем она может помочь ему? Дать денег? Он тут же промотает их. Джулия снова отвернулась и посмотрела на холодную лондонскую улицу.

Ранние прохожие. Нянька переходит улицу, толкая перед собой плетеную коляску с близнецами. С газетой под мышкой торопится куда-то старик. И охранник из Британского музея лениво прохаживается по парадному крыльцу, как раз под этим окном. А чуть ниже по улице, возле дома дяди Рэндольфа, горничная Салли вытряхивает коврик прямо у входных дверей, уверенная, что в такую рань никто ее не увидит.

Почему за спиной не слышно ни звука? Почему Генри не бросился прочь, хлопнув дверью? Может, он все-таки ушел? Нет, Джулия услышала тоненькое треньканье – звякнула ложечка в китайской чашке. Проклятый кофе.

– Не знаю, как ты докатился до всего этого, – произнесла Джулия, продолжая смотреть в окно. – Ценные бумаги, оклады, премии – у вас было все, у вас обоих.

– Нет, не все, дорогая, – возразил Генри. – Это у вас было все.

Звук льющегося в чашку кофе. О боже!

– Послушай, старушка– Голос у Генри был низким и напряженным. – Я больше не хочу ссориться. Наверное, ты тоже. Иди сюда, присядь. Давай выпьем вместе кофейку – как цивилизованные люди.

Джулия не пошевелилась. Добродушие Генри пугало ее больше, чем гнев.

– Иди, выпей со мной кофе, Джулия.

Ничего не поделаешь. Она повернулась, не поднимая глаз, подошла к столу и только тогда взглянула на брата, который протягивал ей чашку с дымящимся напитком.

Во всей этой сцене было что-то странное – то ли в напряженной позе Генри, то ли в бесстрастном выражении его лица.

В распоряжении Джулии была лишь секунда, чтобы подумать об этом. Поскольку то, что она увидела за его спиной, заставило ее застыть от ужаса. Разум ее взбунтовался, но не верить собственным глазам было невозможно.

Мумия зашевелилась. Вытянув вперед правую руку, с которой свисало разорванное тряпье, мумия сделала шаг вперед, выбираясь из саркофага. Крик замер у Джулии в горле. Существо направилось к ней, вернее, к Генри, который стоял спиной, – направилось шаткими, неуверенными шагами, протянув вперед руку. С покрывавших мумию бинтов сыпалась пыль. Запах пыли и тлена наполнил воздух.

– Что с тобой, черт возьми?! – воскликнул Генри.

Мумия остановилась прямо у него за спиной. Вытянутая рука легла на горло Генри.

Джулия так и не смогла закричать. Охваченная ужасом, она издала гортанный клокоцущий звук – так бывает в кошмарных снах, когда хочешь крикнуть и не можешь.

Генри обернулся, инстинктивно подняв руки для защиты, и чашка с кофе с грохотом упала на серебряный поднос. Низкий рев сорвался у Генри с губ – он попытался оттолкнуть душившую его мумию. Пальцы вцепились в гнилое тряпье, пыль поднялась столбом. Мумия с треском вырвала из покровов левую руку и принялась душить Генри уже обеими руками.

С диким воплем он оттолкнул мумию и упал на колени, но мгновенно вскочил на ноги и сломя голову кинулся прочь. Промчался через парадный зал, потом его каблуки застучали по мраморной плитке вестибюля.

Онемевшая от ужаса Джулия во все глаза смотрела на отвратительную тварь, стоявшую на коленях возле длинного стола в центре зала. Мумия хрипела, пытаясь восстановить дыхание. Джулия услышала, как открылась и со стуком захлопнулась входная дверь.

Никогда в жизни она не была так близка к безумию. Сотрясаясь всем телом, объятая ужасом, она попятилась прочь от обмотанного тряпками существа, от этого ожившего мертвеца, который делал судорожные попытки подняться на ноги.

Неужели он смотрит на нее? Неужели сквозь рваные бинты мерцают его голубые глаза? Он потянулся к Джулии, и ее тело покрылось липкой испариной. Приступ тошноты сотряс ее. «Только бы не упасть в обморок. Что бы ни случилось, падать в обморок нельзя».

Внезапно мумия отвернулась. Куда она смотрит? На свой саркофаг или в сторону оранжереи, залитой солнечным светом? Она лежала на восточном ковре, как будто в изнеможении, потом пошевелилась и поползла навстречу утреннему солнцу.

Джулия снова услышала дыхание существа. Живое! Боже праведный! Живое! Оно изо всех сил тянулось вперед, слегка приподнимая над полом мощный торс и слабо перебирая ногами.

Оно ползло, дюйм за дюймом, из затененного зала и наконец добралось до солнечного луча, идущего из библиотеки. Здесь оно остановилось и задышало глубже. Казалось, оно дышит не воздухом, а светом. Потом существо слегка приподнялось на локтях и снова поползло в сторону оранжереи – уже быстрее. Бинты сползали с его ног. По ковру тянулся толстый слой пыли. Покровы на плечах разорвались в клочья. Бинты ослабли, обвисли и, казалось, таяли под воздействием света.

Медленно, словно во сне, Джулия шла следом, сохраняя безопасную дистанцию, не в силах остановиться, не в силах оторвать зачарованный взгляд от этого зрелища.

Существо доползло до горячего солнечного потока, затихло возле фонтана и медленно перевернулось на спину. Одна рука его потянулась вверх, к стеклянному потолку, другая безжизненно упала на грудь.

Джулия молча вошла в оранжерею. Все еще дрожа, она подходила ближе и ближе, пока не остановилась совсем рядом с мумией.

В солнечных лучах тело росло и уплотнялось! Прямо на глазах оно становилось все крепче. Джулия слышала треск разрываемых бинтов, видела, как, повинувшись ритмичному дыханию, вздымается и опадает грудь.

И лицо, о боже, лицо! Под тонкими бинтами угадывались сверкающие голубые глаза. Существо подняло руку и сорвало тряпки с лица. Действительно, большие голубые глаза. Еще рывок – и оно сняло покровы с головы, высвобождая копну мягких каштановых волос.

Потом оно ловко опустилось на колени, сунуло перебинтованные руки в фонтан и поднесло к губам пригоршню искрящейся на солнце воды. Оно делало судорожные большие глотки, потом остановилось и повернулось к Джулии. Жирная серая пыль была почти полностью смыта с его лица.

На Джулию смотрел живой человек! Голубоглазый человек с умным лицом.

Ей опять захотелось закричать, но вновь крик замер у нее на губах, и она только едва слышно вздохнула. Или ахнула? Джулия невольно попятилась. Человек поднялся на ноги.

Теперь он стоял во весь рост и спокойно смотрел на нее. Его пальцы работали без остановки, снимая с волос остатки паутинообразного сгнившего тряпья. Да, с густых волнистых каштановых волос. Они закрывали уши и мягкой волной спадали на лоб. Глаза, в упор смотревшие на Джулию, светились восхищением.

Подумать только! Он восхищался, глядя на нее.

Джулия была близка к обмороку. Она читала о том, как барышни падают в обморок. Она знала, как это бывает, хотя сама ни разу не теряла сознания. У нее подкашивались ноги,

казалось, пол уходит из-под них. Все вокруг потускнело, стало расплываться. Нет, стоп! Она не может падать в обморок на виду у этого существа.

На виду у ожившей мумии!

С трясущимися коленками Джулия пошла обратно в египетский зал. Тело покрылось липким потом, руки судорожно перебирали кружево пеньюара.

Человек с любопытством наблюдал за ней, словно ему было интересно, что она собирается предпринять. Потом стащил бинты, обматывавшие шею, плечи и широкую грудь. Джулия медленно закрыла глаза, затем так же медленно открыла их. Человек не исчез – те же сильные руки, тот же мощный торс. И пыль все так же сыплется с блестящих каштановых волос.

Человек сделал шаг вперед. Джулия попятилась. Он сделал еще один шаг. Джулия вновь попятилась. Она отступала до тех пор, пока не уперлась спиной в стоявший посреди второй гостиной длинный стол. Руки нащупали серебряный кофейный поднос.

Бесшумными мягкими шагами человек шел к ней – этот незнакомец, этот мужчина с красивым телом и огромными ласковыми голубыми глазами.

Господи! Она сходит с ума! Какая разница, красив он или нет. Он только что чуть не задушил Генри! Перебирая руками по столу, Джулия продолжала пятиться к дверям вестибюля.

Дойдя до стола, человек остановился. Посмотрел на серебряный кофейник и опрокинутую чашку, взял что-то с подноса. Что? А, смятый носовой платок. Может, Генри оставил его здесь? Не веря своим глазам, Джулия увидела, что мужчина указывает пальцем на пролитый кофе. Потом он заговорил тихим сочным баритоном:

– Иди, выпей со мной кофе, Джулия. Превосходный английский акцент. Знакомые слова.

Джулия вздрогнула от изумления. Это не было приглашением – мужчина просто подражал Генри. Такая же интонация. Именно эту фразу произнес Генри.

Человек развернул носовой платок, в котором оказался белый порошок: крошечные блестящие кристаллики. Потом человек указал на алебастровые кувшины – с одного из них была снята крышка. Он снова заговорил на безупречном английском:

– Выпей кофе, дядя Лоуренс.

С губ Джулии сорвался стон. Она смотрела на человека невидящим взглядом, эхо его слов все еще звучало у нее в ушах. Все понятно: Генри отравил ее отца, и это существо было свидетелем преступления. Генри и ее пытался отравить. Разум Джулии отказывался верить в это. Она пыталась убедить себя, что такого не могло быть, и при том понимала, что все это правда. Как и то, что мумия жива и дышит и стоит прямо перед ней, как и то, что вернулся к жизни бессмертный Рамзес, освободившись от истлевших пут. Вот он – стоит перед ней в ее гостиной, и солнце светит ему в спину.

Пол уходил из-под ног, в глазах потемнело. Джулия поняла, что падает, увидела, как высокая фигура рванулась к ней, почувствовала, как сильные руки подхватывают ее и обнимают так крепко, что к ней возвращается ощущение безопасности.

Она открыла глаза и посмотрела в склонившееся над ней лицо существа. Нет, это лицо человека, прекрасное лицо. Джулия услышала, как в коридоре завизжала Рита. И вновь провалилась в темноту.

– Что за чушь ты городишь? – Рэндольф еще не до конца проснулся. Он вылез из-под вороха простынь и одеял и потянулся к шелковому халату, лежавшему в ногах. – Неужели ты оставил свою сестру наедине с этим чудовищем?

– Говорю тебе, оно пыталось задушить меня! – Генри вопил как ненормальный. – Вот что я тебе говорю! Проклятая тварь вылезла из гроба и попыталась задушить меня!

– Проклятье, где же мои тапочки?... Она там одна, ты, идиот?!

Рэндольф босиком побежал в коридор и промчался вниз по лестнице. Халат парусом раздувался у него за спиной.

– Живее, кретин! – крикнул он сыну, который замешкался наверху.

Джулия открыла глаза Она сидела на диване, а на ее плечо навалилась Рита. Больно. Горничная издавала тихие хлюпающие звуки.

Мужчина не исчез, он был рядом. Значит, все это реально. И темный каскад волос, падающий на высокий гладкий лоб, и ярко-голубые глаза. Он уже освободился от большей части своих пут и теперь стоял обнаженный по пояс, похожий на божество – так ей показалось на миг. Особенно из-за улыбки – доброй, обворожительной.

Волосы его словно продолжали расти. И сам он будто бы вырос, и кожа его стала более блестящей, чем была до того, как Джулия потеряла сознание. Но боже, что она делает? Зачем так оставилась на него?!

Мужчина подошел ближе. Его босые ноги больше не были стянуты отвратительными бинтами.

– Джулия, – ласково позвал он.

– Рамзес, – прошептала она в ответ. Мужчина кивнул, улыбка его стала еще шире.

– Рамзес, – подтвердил он и слегка поклонился.

«О господи! – подумала Джулия. – Он не просто красив, он самый красивый мужчина на свете».

Она попыталась подняться с дивана. Рита цеплялась за нее, но она оттолкнула горничную, и тогда мужчина, приблизившись, взял ее за руку и помог встать.

Пальцы у него были теплые и покрыты пылью. Джулия поймала себя на том, что не может отвести глаз от его лица. Кожа такая же, как у всех людей, только более гладкая, нежная и свежая – будто у человека, который только что совершил пробежку. На щеках пылал румянец.

Внезапно мужчина обернулся. Джулия тоже услышала голоса с улицы, словно кто-то спорил. К крыльцу подкатил автомобиль.

Рита опрометью кинулась к окну – точно боялась, что мумия попытается ее задержать.

– Слава богу, мисс, это люди из Скотленд-Ярда.

– Какой ужас! Сейчас же запри дверь!

– Но мисс...

– Запри! Немедленно!

Горничная побежала выполнять приказ. Джулия взяла Рамзеса за руку.

– Пойдем наверх, и побыстрее, – сказала она. – Рита, закрой саркофаг крышкой, она легкая. Закрой и приходи ко мне.

Не успела Рита задвинуть засов, как в дверь забарабанили. Затрезвонил звонок. Дребезжание звонка изумило Рамзеса. Он оглядел потолок, потом взгляд его устремился к задней части дома, словно он слышал, как звук бежит по проводам к стене кухни.

Джулия тянула его за собой – мягко, но настойчиво, и, к ее удивлению, он послушно пошел за ней вверх по лестнице.

Она слышала, как Рита ворчит и всхлипывает. Однако горничная сделала то, что ей велели. Джулия услышала, как крышка саркофага с тихим стуком встала на место.

Рамзес разглядывал обои, картины в рамах, полочку с безделушками, угнездившуюся в углу над лестницей, оконный переплет, пол, шерстяной ковер с причудливым узором из перьев и листьев.

Стук в дверь становился невыносимым. Джулия слышала, как дядя Рэндольф зовет ее по имени.

– Что мне делать, мисс? – крикнула Рита.

– Иди сюда. – Джулия взглянула на Рамзеса, который терпеливо ждал, с любопытством наблюдая за ней. – Ты выглядишь как: обыкновенный человек, – прошептала она. – Вполне обыкновенный. Просто очень красивый. – Она потащила его по коридору. – Душ, Рита! – закричала она, когда дрожащая от испуга и отвращения горничная появилась за спиной у Рамзеса – Быстро! Включи душ.

Джулия привела его в переднюю часть дома. Рита шла следом. На минуту стук прекратился, и Джулия услышала, как в замке заскрежетал ключ. Слава богу, засов задвинут! Потом в дверь снова забарабанили.

Теперь Рамзес широко улыбался. Казалось, он вот-вот рассмеется. Он с любопытством оглядывал спальни, мимо которых проходил, и неожиданно увидел электрический светильник, на пыльной цепи свисавший с потолка. При дневном свете крошечные лампочки казались тусклыми и невзрачными, но они горели, и Рамзес, впервые заупрямившись, остановился, чтобы, прищурясь, рассмотреть их.

– Еще насмотришься! – в панике поторопила его Джулия.

В трубе зажурчала вода. Из двери ванной пополз пар.

Рамзес снова церемонно поклонился, слегка приподняв брови, и пошел за Джулией в ванную. Блестящая плитка, похоже, ему понравилась. Он медленно повернулся к матовому стеклу, сквозь которое лился солнечный свет. Посмотрел, как устроена задвижка, а потом настезь распахнул обе оконные створки – стали видны крыши домов и яркое утреннее небо.

– Рита, носи отцовскую одежду, – выдохнула Джулия. В любую минуту дверь могли выломать. – Поторопись! Дай его тапочки, рубаху, халат – все, что попадет под руку.

Рамзес задрал подбородок и прикрыл глаза. Казалось, он пьет солнечный свет. Джулия видела, как шевелятся на лбу завитки его волос. Похоже, волосы становятся гуще. Они на самом деле густеют.

Ну конечно! Только сейчас до Джулии дошло, что пробудило его от долгого сна. Солнце! Когда он боролся с Генри, он был еще очень слаб. Ему пришлось ползти к солнечному свету, чтобы обрести былую силу.

Снизу донесся крик:

– Полиция!

Рита прибежала с тапочками и ворохом одежды.

– Там еще репортеры, мисс, целая толпа репортеров, и Скотленд-Ярд, и ваш дядя Рэндольф...

– Да, я знаю. Иди вниз и скажи им, что мы дома, что мы просто не можем отодвинуть засов.

Джулия выбрала шелковый купальный халат, белую рубашку и повесила их на крючок. Дотронулась до плеча Рамзеса.

Он обернулся, и Джулию вновь поразила его искрящаяся обаянием улыбка.

– Британия, – тихо произнес он, вращая глазами слева направо, словно очерчивая взглядом то место, где они находились.

– Да, Британия, – подтвердила Джулия. Ей вдруг стало весело и легко, захотелось подурчаться. Она указала на ванну: – Lavare! – Кажется, это означает «купаться».

Рамзес кивнул, продолжая с интересом оглядывать все вокруг: краны, кафель, пар, вырывавшийся из длинной трубки. Затем посмотрел на одежду.

– Это для тебя, – пояснила Джулия, указывая на халат, а потом на Рамзеса. Как жаль, что она забыла латынь. – Одежда, – отчаявшись, пробормотала она.

И тут он расхохотался. Добродушно, снисходительно. И Джулия снова застыла в изумлении, глядя на его нежное, прекрасное лицо. Какие белые у него зубы, какая безупречная

кожа, какой повелительный взор! Ну что ж, ведь он Рамзес Великий – разве нет? Если она будет думать об этом, то опять упадет в обморок.

Она шагнула к двери.

– Reste! Lavare! – попыталась Джулия его убедить, сопровождая слова умоляющим жестом, но тут Рамзес неожиданно схватил ее за руку.

Сердце у Джулии замерло.

– Генри, – тихо произнес Рамзес. Лицо его потемнело от гнева, но гнев был обращен не на нее.

Джулия перевела дыхание. Она слышала, как кричит Рита, призывая стоявших на улице прекратить стучать. Кто-то кричал ей в ответ.

– Не надо беспокоиться из-за Генри. Сейчас не надо. Будь уверен, я с ним разберусь.

Нет, он не поймет. Жестами Джулия велела ему подождать и медленно высвободила руку. Рамзес кивнул, отпуская. Она вышла, захлопнула дверь и помчалась по коридору и по лестнице.

– Впусти меня, Рита! – кричал Рэндольф.

Чуть не споткнувшись на последней ступеньке, Джулия ворвалась в гостиную. Саркофаг закрыт. Заметят ли они пыльную дорожку на ковре? И ведь никто не поверит! Она сама не верила!

Джулия остановилась, закрыла глаза, глубоко вздохнула, велела Рите отпереть дверь и с самым серьезным видом стада ждать. Скоро в комнату ворвался дядя Рэндольф – небритый, в домашнем халате. За ним появился музейный охранник, а следом – два джентльмена в одинаковых невзрачных пальто, очевидно сыскные агенты, хотя Джулии было непонятно, зачем они пришли.

– Объясните, ради бога, что случилось? – пытаюсь изобразить зевок, спросила она – Я так сладко спала, а вы меня разбудили. Который час? – Она смущенно огляделась. – Рита, что происходит?

– Не знаю, мисс! – Голос у горничной сорвался на крик, и Джулия жестом приказала ей замолчать.

– Дорогая, я просто в ужасе! – кинулся к ней Рэндольф. – Генри сказал...

– Что? Что сказал Генри?

Два джентльмена в серых пальто глазели на разлитый кофе. Один из них уставился на развернутый носовой платок, из которого просыпался на пол белый порошок. В лучах солнца он был очень похож на сахарный песок. И тут в дверях возник Генри.

Джулия бросила на него мрачный взгляд. Убийца! Но сейчас нельзя выдавать свои чувства. Она не позволяла себе поверить в это – иначе можно сойти с ума Джулия снова мысленно увидела, как он протягивает ей чашку с кофе, и вспомнила это каменное выражение на бледном лице.

– Что случилось, Генри? – холодно спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Полчаса назад ты умчался отсюда с такой скоростью, словно встретил привидение.

– Черт возьми, ты прекрасно знаешь, что случилось, – прошипел Генри.

Он побледнел и взмок. Вытащил носовой платок и вытер верхнюю губу. Рука его заметно тряслась.

– Успокойся, – сказал Рэндольф, обращаясь к сыну. – Скажи, что же все-таки ты увидел?

– Дело вот в чем, мисс, – вмешался человек из Скотленд-Ярда, тот, что был пониже ростом. – Кто-нибудь врвался к вам в дом?

Голос и манеры джентльмена Джулии уже не было так страшно, и, когда она заговорила, самообладание полностью вернулось к ней.

– Конечно нет, сэр. Мой брат видел разбойника? Генри, у тебя большое воображение. У тебя были галлюцинации. Я никого не видела.

Рэндольф с бешенством взглянул на сына. Люди из Скотленд-Ярда смутились.

Генри пришел в ярость. Не говоря ни слова, он посмотрел на Джулию с такой злобой, словно готов был задушить собственными руками. А она смотрела на него и повторяла про себя: «Ты убил моего отца. Ты собирался убить меня.

Нам не дано знать, что можно чувствовать в такие минуты, – думала она – Но я знаю только одно: я тебя ненавижу. За всю свою жизнь я не испытывала такой жгучей ненависти ни к кому».

– Саркофаг, – вдруг пробормотал Генри, вцепившись в дверной косяк, словно не смел войти в комнату. – Я хочу, чтобы его немедленно открыли!

– Ты и вправду потерял голову. Никто не дотронется до саркофага. В нем находится бесценная реликвия, которая принадлежит Британскому музею. Воздух для нее вреден.

– Какого черта ты несешь эту чушь?! – завопил Генри. У него начиналась истерика.

– Успокойся, – сказал Рэндольф. – Я уже наслушался.

Снаружи доносились шум и возбужденные голоса. Кто-то уже поднялся по лестнице и таранился на них через открытые двери.

– Генри, мне не нравится весь этот переполох в моем доме, – резко сказала Джулия.

Человек из Скотленд-Ярда окинул Генри ледяным взглядом.

– Сэр, если леди не хочет, чтобы мы проводили расследование...

– Конечно не хочу, – отозвалась Джулия. – Вы и так потеряли много времени. Как видите, все в порядке.

Ну да, кофейная чашка опрокинута на подносе, на полу валяется платок... Но Джулия держалась очень спокойно, с недоумением переводя взгляд с Генри на полицейского. Потом взглянула на другого полицейского, который пристально наблюдал за ней, хотя и не произнес ни слова.

Никто из них не видел того, что увидела она – Рамзеса, медленно спускавшегося по ступеням лестницы. Они не видели, как он прошел по коридору и молча появился в комнате. Джулия не сводила с него восхищенного взгляда, и лишь тогда все остальные, повернувшись, заметили того, кто вызывал у Джулии такой восторг: стоявшего в дверях высокого темноволосого мужчину в купальном халате из бургундского шелка.

Джулия смотрела на него, затаив дыхание. Чудо! Такими и должны быть цари. И все-таки он выглядел пришельцем из другого мира. Человек необычайной силы, величайшего достоинства, с живыми пронизательными глазами.

Даже халат с атласными отворотами выглядел на нем экзотическим нарядом. Тапочки напоминали обувь, найденную в древней гробнице. Белая рубашка была расстегнута, и это, как ни странно, выглядело вполне естественно – возможно, из-за того, что его кожа была такой же белой и гладкой, а может, из-за того, что мужчина выпятил вперед грудь и стоял, широко расставив ноги, словно принимая парад; современные мужчины не умеют принимать такую позу. Это была поза повелителя, хотя в выражении лица никто не увидел бы и тени высокомерия. Царь просто смотрел на Джулию и на Генри, который побагровел до корней волос.

А Генри смотрел в распахнутый ворот рубашки. Он смотрел на перстень со скарабеем, который Рамзес носил на правой руке. Полицейские смотрели на Генри. Рэндольф выглядел совершенно сбитым с толку. Узнал ли он халат, который когда-то подарил брату? Рита прислонилась к стене, зажав ладонью рот.

– Дядя Рэндольф, – выступая вперед, сказала Джулия. – Это старый друг отца, он только что приехал из Египта. Это... э-э... мистер Рамсей, Реджинальд Рамсей. Я хочу представить вас моему дяде, Рэндольфу Стратфорду. А это его сын, Генри...

Рамзес посмотрел на Рэндольфа, потом снова перевел взгляд на Генри, который тупо уставился на него. Джулия незаметным жестом велела Рамзесу оставаться спокойным.

– Думаю, сейчас не стоит устраивать собрание, – смущенно сказала она – Правда, я очень устала и переволновалась...

– Ну что ж, мисс Стратфорд, возможно, именно этого джентльмена видел ваш брат, – доброжелательно произнес полицейский.

– Да-да, вполне возможно, – ответила Джулия. – А сейчас мне нужно позаботиться о госте. Он еще не завтракал. Я должна...

Генри все понял! Джулия это видела. Ей ужасно захотелось сказать что-нибудь благопристойное и одновременно бессмысленное. Например, что уже восемь часов утра. Или что она голодна. Генри вжался в угол. А Рамзес, не отрывая от него взгляда, прошел за спинами полицейских и полным изящества быстрым движением поднял с пола платок. Никто, кроме Джулии и Генри, этого не заметил. По-прежнему не сводя глаз с Генри, Рамзес опустил платок в карман своего халата.

Рэндольф растерянно взглянул на Джулию. Один из полицейских явно заскучал.

– Ну, с тобой все в порядке, дорогая? – произнес Рэндольф. – Все хорошо?

– Конечно. – Джулия подошла к нему и, взяв за руку, проводила к дверям.

Полицейские шли следом.

– Меня зовут инспектор Трент, мадам, – сказал один из них. – А это мой напарник, сержант Галтон. Если мы вам понадобится, сразу же позвоните.

– Разумеется, – кивнула Джулия.

Генри был на грани истерики. Внезапно он дернулся и, едва не сбив сестру с ног, бросился в открытую дверь, прорвавшись сквозь собравшуюся на крыльце толпу.

– Это была мумия, сэр? – закричал кто-то. – Вы видели, как мумия ходит?

– Значит, проклятие сбылось?

– Мисс Стратфорд, с вами все в порядке?

Полицейские тут же вмешались: инспектор Трент приказал толпе немедленно разойтись.

– Что с ним стряслось, никак не пойму, – бормотал Рэндольф. – Ничего не понимаю.

Джулия крепче стиснула его руку. Нет, скорее всего, он не знает, что натворил Генри. Он никогда не причинил бы вреда своему брату, ни за что на свете. Но откуда у нее такая уверенность? Повинуясь непонятному порыву, Джулия обняла Рэндольфа за шею и поцеловала в щеку.

– Не волнуйся, дядя, – сказала она, чувствуя, что вот-вот расплачется.

Рэндольф кивнул. Он был унижен и немного напуган, и, глядя на него, Джулия ощущала невероятную жалость. Раньше ей никого не было так жалко. И лишь когда Рэндольф прошел пол-улицы, Джулия заметила, что он босой. За ним по пятам бежали репортеры. Поскольку полиция уехала, парочка пронырливых журналистов кинулась к Джулии, и она поспешно вернулась в дом, захлопнув дверь у них перед носом. И потом смотрела сквозь стеклянное окошко в двери на то, как Рэндольф идет по улице и поднимается по ступеням своего крыльца.

Когда дядя скрылся из виду, она медленно развернулась и направилась в гостиную.

Тишина. Слабое журчание фонтана в оранжерее. Где-то на улице лошадь тащила скрипучую повозку. В углу тряслась от страха Рита, судорожно теребя фартук.

А посреди комнаты стоял безмолвный Рамзес. Он стоял все так же, широко расставив ноги и скрестив на груди руки, и смотрел на Джулию. Солнце создавало вокруг него сверкающий ореол, оставляя лицо в тени. И яркость его голубых глаз казалась такой же нереальной, как и копна густых каштановых волос.

Впервые в жизни Джулия по-настоящему поняла значение слова «царственный». И еще одно слово пришло ей в голову, довольно непривычное, но очень точное: «миловидный». Джулия поразила: а ведь его лицо красиво в основном благодаря выражению. Удивительно умное, пылкое и сосредоточенное одновременно. Как будто чуть отстраненное, хотя вполне обычное. Было в нем что-то неземное и в то же время очень человеческое.

А Рамзес просто смотрел на нее. Широкие полы длинного шелкового халата слегка колыхались от потоков теплого воздуха, струившегося из оранжереи.

– Рита, оставь нас, – прошептала Джулия.

– Но мисс...

– Ступай.

Снова тишина. Наконец Рамзес направился к ней. Ни намек на улыбку, лишь серьезный ласковый взгляд широко открытых глаз – он рассматривал ее лицо, волосы, одежду.

«Что он думает про этот легкомысленный кружевной пеньюар? – вдруг ужаснулась Джулия. – Господи, может, он решил, что женщины нашего времени носят такую одежду на улице?» Но нет, он смотрел не на кружева. Он разглядывал ее грудь под свободно спадающим шелком, изгиб ее бедер, потом снова взглянул ей в глаза, и это выражение его лица нельзя было спутать ни с чем: в нем заговорила страсть. Рамзес подходил все ближе, вот он обнял Джулию за плечи, и она почувствовала, как сжались его пальцы.

– Нет, – сказала она, выразительно покачав головой, и сделала шаг назад. Распрямила плечи, стараясь, чтобы Рамзес не заметил ее волнения и внезапной дрожи удовольствия, пробежавшей по спине и рукам – Нет, – твердо повторила Джулия.

Она почти с испугом ощутила, как волна тепла всколыхнулась в груди. Рамзес кивнул, отступил назад и улыбнулся. Слегка развел руками и заговорил на латыни. Джулия уловила свое имя, слово «царица» и еще одно, означавшее, как она поняла, «дом». Джулия – царица в своем доме.

Она улыбнулась и вздохнула с нескрываемым облегчением. Но дрожь вновь стала сотрясать все ее тело. Заметил ли он это? Наверняка.

– Panis, Джулия, – прошептал Рамзес – Vinum. Panis. – Он прищурился, подыскивая нужное слово. – Edere, – прошептал он и изящным жестом дотронулся до своих губ.

– Да, я понимаю, о чем ты говоришь. Еда. Ты хочешь поесть. Ты хочешь вина и хлеба. – Джулия торопливо шагнула к дверям – Рита! – позвала она. – Он голоден. Надо немедленно покормить его.

Она обернулась и увидела, что Рамзес опять улыбается, с той же сердечностью, что и наверху, в ванной. Он думает, что ей нравится заботиться о нем, да? Если бы он только знал, что она считает его совершенно неотразимым, что минуту назад она готова была обвить его руками и... лучше не думать об этом. Нет, лучше вообще ни о чем не думать.

Глава 4

Эллиот сидел в вертящемся кресле, глядя на тлеющие в камине угли. Он придвинулся поближе к огню, поставив ноги, обутые в шлепанцы, на решетку. Жар огня облегчал боль в суставах ног и рук. Эллиот с нетерпением и неожиданным для самого себя восторгом слушал сбивчивый рассказ Генри. Бог отомстил Генри сполна за все его грехи! Вокруг Генри разразился скандал.

– Наверное, тебе это померещилось, – сказал Алекс.

– Говорю вам, проклятая тварь вылезла из футляра для мумий и подошла ко мне. Она душила меня. Я чувствовал ее руку на шее, я видел ее замотанное бинтами лицо!

– Тебе это точно померещилось, – попытался убедить его Алекс.

– Какое, к черту, померещилось!

Эллиот посмотрел на обоих молодых людей, стоявших возле камина на Генри, небритого, дрожащего, со стаканом виски в руке, и Алекса, как всегда безукоризненно опрятного и бодрого.

– А этот парень, египтолог... ты говоришь, что он и есть та мумия? Генри, ты где-то шлялся всю ночь, да? Ты ведь пил с той девицей из мюзик-холла? Наверное, ты был...

– Ну хорошо, тогда откуда взялся этот ублюдок, если он не мумия?

Рассмеявшись, Эллиот пошевелил угли концом серебряной трости.

Генри не сдавался:

– Накануне вечером его там не было. Он спустился сверху в купальном халате дяди Лоуренса. Вы же не видели! Он не похож на обычного человека. Любой, увидев его, скажет, что он не обычный.

– Он сейчас там? С Джулией?

Наивная душа, Алекс только теперь все понял.

– Это я и пытаюсь вам втолковать. О господи! Хоть кто-нибудь в Лондоне слушает меня? – Генри сделал глоток виски, подошел к бару и снова наполнил стакан. – И Джулия его опекает. Джулия знает, что произошло. Она видела, как мумия набросилась на меня!

– Ты только ославишь себя этой историей, – мягко сказал Алекс. – Никто не поверит...

– Ты видел те папирусы, те свитки, – забубнил Генри. – В них рассказывается о секрете бессмертия. Лоуренс говорил тому парню, Самиру, что-то о Рамзесе Втором, который жил больше тысячи лет...

– Я думал, это был Рамзес Великий, – прервал его Алекс.

– Это один и тот же человек, неуч. Рамзес Второй, Рамзес Великий, Рамзес Проклятый. Об этом написано в свитках, говорю вам, о Клеопатре и об этом Рамзесе. Разве вы не читали газет? А я-то думал, что у дяди Лоуренса от жары мозги расплавились.

– Мне кажется, тебе нужно отдохнуть, может, даже полечиться. Все эти разговоры о проклятии...

– Черт побери, вы не хотите меня понять! Это хуже, чем проклятие. Эта тварь пыталась убить меня. Она двигалась, говорю вам. Она ожила.

Алекс смотрел на Генри с вежливой снисходительностью. «Такое лицо он делает, когда с ним разговаривают газетчики», – угрюмо подумал Эллиот.

– Мне надо повидаться с Джулией. Отец, если позволишь...

– Конечно, тебе обязательно надо это сделать. – Эллиот снова повернулся к огню. – Взгляни на египтолога.

Узнай, откуда он взялся. Вряд ли Джулия осталась бы в доме наедине с иностранцем. Чепуха какая-то.

– Она в этом доме наедине с чертовой мумией! – взревел Генри.

– Генри, почему бы тебе не пойти домой и не проспать? – спокойно поинтересовался Алекс. – Увидимся, отец.

– Ну ты и придурок!

Алекс пропустил оскорбление мимо ушей. Он всегда с легкостью не обращал внимания на обидные слова. Генри снова осушил стакан и вернулся к бару.

Эллиот слушал, как звенит бутылка о край стакана.

– А ты запомнил имя этого таинственного египтолога? – спросил он.

– Реджинальд Рамсей. Выдумано для отмазки. Готов поклясться, она назвала первое попавшееся имя. – С наполненным до краев стаканом Генри вернулся к каминной полке, облокотился на нее и стал медленно пить, пряча глаза от наблюдавшего за ним Эллиота. – Он не произнес ни слова по-английски. Видел бы ты, какие злобные у него глаза! Говорю тебе: надо срочно принять меры!

– Ну и что ты предлагаешь?

– Откуда мне знать, черт побери? Поймать проклятую тварь, вот что!

Эллиот хохотнул:

– Если эта мумия, или человек, или бог его знает кто пытался тебя задушить, тогда почему же Джулия опекает его? Почему защищает? И почему он не набросился на нее тоже?

Некоторое время Генри тупо смотрел в пространство, потом сделал новый огромный глоток. Эллиот холодно смотрел на него. Уж не сошел ли Генри с ума? Нет! Нервы у него расшалились, но он не сумасшедший.

– Я хотел бы понять, – мягко произнес Эллиот, – почему он желал причинить тебе зло?

– Ведь это же мумия, дьявол ее раздери! Это же я заходил в ее чертову гробницу! Я, а не Джулия. Я нашел Лоуренса мертвым в этой проклятой могиле.

Генри внезапно смолк, будто вспомнил о чем-то, и лицо его стало более осмысленным. Какая-то мысль повергла его в шок.

Их глаза на миг встретились, и Эллиот вновь отвернулся к огню. «И это тот человек, которым я однажды увлекся, – подумал он, – которого ласкал с нежностью и страстью, которого любил когда-то. Теперь он дошел до ручки, совсем дошел». Говорят, что месть сладка, но это не так.

– П-послушай, – сказал Генри, заикаясь, – все это можно как-то объяснить. Но каким бы ни было объяснение, тварь надо остановить. Возможно, она околдовала Джулию.

– Понимаю.

– Нет, ты не понимаешь. Ты думаешь, я сошел с ума. И ты презираешь меня. Всегда презирал.

– Нет, не всегда.

Они опять посмотрели друг на друга. Теперь лицо Генри блестело от пота, губы дрожали. Он первым отвел глаза.

«Совсем отчаялся, – подумал Эллиот. – От себя никуда не спрячешься, вот в чем дело».

– Можешь думать обо мне все, что угодно, – сказал Генри. – Но я больше не буду ночевать в том доме. Я велел перевезти свои вещи в клуб.

– Нельзя оставлять Джулию одну. Это неправильно. А поскольку официальной помолвки у них с Алексом не было, я не имею права вмешиваться в ее жизнь.

– Так уж и не можешь! А какого черта я не могу делать то, что хочу? Я сказал: там я жить не буду!

Эллиот понял, что Генри собирается уходить. Он услышал, как звякнул стакан о мраморную крышку бара. Он услышал, как затихают тяжелые шаги Генри. Он остался один.

Эллиот откинулся на спинку кресла, обитого узорчатой тканью. Послышался резкий стук – входная дверь захлопнулась.

Он попытался вспомнить все по порядку и обдумать. Генри пришел сюда потому, что Рэндольф ему не поверил. Странно, даже такой чокнутый и отчаявшийся человек, как Генри, вряд ли мог сочинить столь странную историю. Ерунда какая-то.

– Любовник Клеопатры, – прошептал Эллиот, – страж царского дома Египта Рамзес Бессмертный. Рамзес Проклятый.

Ему захотелось повидаться с Самиром, поговорить с ним. Конечно же, эта история смехотворна, но все же... Нет, дело в том, что Генри деградирует гораздо быстрее, чем можно было ожидать. А вот об этом Самиру знать вовсе не обязательно.

Эллиот достал карманные часы. Так и есть, еще очень рано.

До назначенных на этот день визитов остается уйма времени. Если бы он только мог самостоятельно выбраться из кресла!

Эллиот уже заворочался, устанавливая трость поустойчивее на плитке возле камина, когда услышал легкие шаги жены. Он снова погрузился в кресло, чувствуя облегчение оттого, что на какое-то время боль затихнет, и взглянул на Эдит.

Она всегда ему нравилась, а теперь, когда половина жизни уже прожита, он понял, что по-настоящему любит ее. Женщина безупречной порядочности и скромного очарования, в его глазах она не имела возраста, возможно, из-за того, что как: женщина никогда его не привлекала. Она была на двенадцать лет старше, а значит, старше, и это расстраивало его, поскольку он сам боялся старости, боялся потерять Эдит.

Он всегда восхищался ею, наслаждался ее обществом и всегда отчаянно нуждался в ее деньгах. Эдит никогда не придавала этому значения. Она ценила его обаяние, его светские связи и прощала ему его эксцентричные выходки.

Она знала, что живет он не по общепринятым правилам, что он, образно выражаясь, «паршивая овца в стаде», она не испытывала симпатий ни к его взглядам на жизнь, ни к его друзьям или врагам. Она просто не заикливалась на нем. Казалось, ее счастье не зависело от его счастья, она просто была благодарна, что он выдерживает все тяготы светского общения и не сбегает, подобно Лоуренсу Стратфорду, в Египет.

Сейчас Эллиот стал настолько беспомощным из-за своего артрита, что уже не мог изменять ей, как в молодости. Иногда он спрашивал себя, радовал ли ее этот факт или, наоборот, раздражал, но не мог найти ответа. Они все еще делили супружеское ложе и, скорее всего, будут делить его и дальше, хотя оба не испытывали в этом ни малейшей потребности. Правда, в последнее время он понял, что целиком зависит от Эдит и очень сильно к ней привязан.

Эллиот был рад, что она дома. Ее присутствие смягчало боль от утраты Лоуренса Разумеев, он должен как можно скорее выкупить ее бриллиантовое ожерелье. Рэндольф дал слово вернуть деньги, занятые под эту вещицу, завтра утром, и это было для Эллиота огромным облегчением.

Сегодня Эдит в своем новом парижском костюме из зеленой шерсти казалась ему особенно милой. Она выглядела благородно, даже ее седина – пышные серебристые волосы – смотрелась очаровательно на фоне строгой одежды и отсутствия драгоценностей. Эдит никогда, разве что кроме выходов в свет, не носила бриллианты, и Эллиот время от времени их закладывал. Он гордился тем, что в столь преклонные годы она все еще красива и привлекательна. Как ни странно, люди ее любили даже больше, чем самого Эллиота.

– Я хочу отъехать ненадолго, – сказал он. – Есть небольшое дельце. Ты не успеешь соскучиться: я вернусь к ланчу.

Она не ответила. Села рядом на мягкую тахту и погладила мужа по руке. Как легки ее прикосновения! Вот разве только руки выдавали ее возраст.

– Эллиот, ты снова заложил мое ожерелье, – сказала она.

Ему стало стыдно, и он промолчал.

– Я знаю, ты сделал это для Рэндольфа. Генри опять в долгах. Вечно одно и то же.

Эллиот смотрел на тлеющие угли и молчал. А что он мог сказать, в конце-то концов? Она знала, что ожерелье находится в хороших руках, у ювелира, которому они оба доверяли, что занятая сумма невелика и выкупить ожерелье, если Рэндольф не сдержит своего слова, не составит проблем.

– Почему ты не пришел ко мне и не сказал, что тебе нужны деньги? – спросила Эдит.

– Мне всегда нелегко просить у тебя деньги, дорогая. Кроме того, Генри так сильно запутался, и Рэндольфу очень туго.

– Знаю. И знаю, что ты сделал это совершенно бескорыстно.

– Как бы вульгарно это ни прозвучало, заложенное в ломбарде ожерелье – весьма скромная плата за миллионы Стратфордов. А мы сейчас как раз этим и занимаемся, моя дорогая, стараясь составить для нашего сына выгодную партию, как они говорят.

– Рэндольф не сможет уговорить свою племянницу выйти замуж за Алекса. Он не имеет на нее никакого влияния. Ты одолжил ему деньги просто потому, что пожалел его. Потому что он твой старый друг.

– Наверное, ты права.

Эллиот вздохнул, по-прежнему не глядя на жену.

– Возможно, я чувствую себя в какой-то мере ответственным за него, – сказал он.

– Почему ты должен чувствовать себя ответственным? Что ты можешь поделать с Генри и с тем, что он превращается невесть в кого?

Эллиот не ответил. Он думал о комнате в парижском отеле, о том, какими несчастными были глаза Генри, когда провалилась его затея с вымогательством. Странно, как отчетливо он все это помнит, помнит даже мебель в той комнате. Позже, когда он обнаружил исчезновение портсигара и денег, он сидел и думал: «Я это запомню. Я должен это запомнить. Такое не должно со мной повториться».

– Прости меня за ожерелье, Эдит, – прошептал он, со стыдом подумав, что украл у жены ожерелье точно так же, как Генри когда-то украл его вещи. Он улыбнулся ей и подмигнул, верный своей привычке флиртовать. И слегка пожал плечами.

Эдит улыбнулась в ответ – эта сцена была для нее привычной. Много лет назад она бы сказала «Не стоит играть со мной в плохого мальчика». Она давно уже не произносила таких слов, но это не значило, что на нее больше не действует обаяние мужа.

– У Рэндольфа есть деньги, чтобы вернуть залог, – заверил Эллиот, став снова серьезным.

– Это не важно, – прошептала она. – Я сама во всем разберусь.

Она медленно поднялась и застыла в ожидании, зная, что Эллиот воспользуется ее помощью, чтобы подняться с кресла и устоять на ногах. И хотя это было для него унижительно, он тоже знал.

– Куда ты идешь? – спросила Эдит, протягивая руки.

– К Самиру Айбрахаму, в музей.

– Опять эта мумия?

– Генри приходил, чтобы рассказать очень странную историю...

Глава 5

– Алекс, милый мой, – сказала Джулия, взяв жениха за руки. – Мистер Рамсей был добрым другом моего отца. В том, что он здесь находится, нет ничего плохого.

– Но ведь ты одна... – Алекс осуждающе смотрел на ее белый пеньюар.

– Я современная девушка. Не спрашивай меня ни о чем! Лучше иди домой и позволь мне самой позаботиться о своем госте. Через несколько дней мы встретимся за ланчем, и я все тебе объясню.

– Что значит «через несколько дней»?!

Джулия быстро чмокнула его в губы и подтолкнула к дверям. Алекс бросил еще один неодобрительный взгляд в сторону коридора, ведущего в оранжерею.

– Ну иди же. Этот человек приехал из Египта. Я должна показать ему Лондон. К тому же я устала. Пожалуйста, милый, сделай так, как я говорю.

Она почти силой вытолкала Алекса из дома. Он был слишком хорошо воспитан, чтобы сопротивляться, и лишь растерянно посмотрел на нее, а потом сказал, что, с ее позволения, позвонит сегодня вечером.

– Разумеется. Ты просто прелесть.

Послав ему нежный воздушный поцелуй, Джулия поспешно захлопнула дверь.

Повернувшись и на минуту прислонилась к стене, разглядывая свое отражение в стеклянной двери. Она видела, как Рита моет посуду, и слышала доносившееся из кухни гудение чайника. Дом наполняли аппетитные ароматы еды.

Сердце Джулии снова забилось, в голове проносились обрывочные, беспорядочные мысли. Ее занимало лишь одно – чудо настоящей минуты: у нее в доме Рамзес. У нее в доме бессмертный человек. Он в оранжерее.

Пройдя обратно по коридору, Джулия остановилась в дверях и посмотрела на царя. Он все еще был в отцовском халате, а вот рубашку он снял с гримасой легкого отвращения: накрахмаленная ткань оказалась для него жестковатой. Волосы его стали совсем густыми, превратившись в пышную волнистую гриву, которая прикрывала мочки ушей. Одна из прядей то и дело спадала на лоб.

Белый сервировочный столик был заставлен тарелками с дымящейся едой. Перед тарелкой лежала «Панч» – Рамзес читал газету и ел, аккуратно прихватывая пальцами то мясо с тарелки, то фрукты, то хлеб, отщипывая кусочки жареного цыпленка. Пищу он поглощал с удивительной скоростью, учитывая, что при этом не пользовался ни вилкой, ни ножом, хотя ему очень понравились узоры на старинном столовом серебре.

Последние два часа он не прекращая ел и читал. Он проглотил такое количество еды, которое не снилось Джулии в самых кошмарных снах. Казалось, пища была для него топливом. Он выпил четыре бутылки вина, две бутылки сельтерской воды, все молоко, что было в доме, а теперь время от времени попивал бренди.

Он не опьянел – напротив, казался необычайно сосредоточенным. Он так быстро просматривал египетско-английский словарь, с такой скоростью перелистывал страницы, что у Джулии закружилась голова. Англо-латинский словарь был прочитан еще быстрее. За считанные минуты Рамзес освоил арабские цифры, сопоставив их с римскими. Она не смогла внятно объяснить систему нулей, но успешно продемонстрировала ее на примере. Потом он с не меньшей жадностью проглотил Оксфордский английский словарь, молниеносно проводя пальцем по колонкам слов, перебегая со страницы на страницу.

Разумеется, он не вчитывался в каждое слово. Он докапывался до основы, до корней, вникал в систему языка Джулия поняла это, когда Рамзес попросил ее называть каждый предмет, который попадался ему на глаза, и быстро повторял эти названия с необыкновенной

точностью в произношении. Он запомнил названия всех растений в оранжерее – папоротник, банан, орхидея, бегония, маргаритка, бугенвиллея. Джулию изумляла его память. Проходило время – и он безошибочно произносил новые для него названия: фонтан, стол, тарелки, китайская посуда, серебро, кафельный пол, Рита...

Теперь он продирался сквозь дебри современных английских текстов, дочитывая «Панч». До этого он уже прочитал два выпуска «Стрэнд», «Харперс уикли» и все номера «Тайме», завалившиеся в доме.

Он внимательно просматривал все страницы, дотрагиваясь пальцами до слов, фотографий и даже рисунков, словно был слепым и мог читать с помощью осязания. С тем же живым интересом он исследовал пальцами веджвудские тарелки и уотерфордский хрусталь.

Сейчас он с радостью смотрел на Риту, которая принесла ему кружку пива.

– У меня больше ничего нет, мисс, – поставив кружку на стол и отойдя в сторонку, сказала горничная и пожала плечами.

Рамзес схватил кружку, тут же осушил ее, кивнул Рите и улыбнулся:

– Египтяне любят пиво, Рита. Принеси еще, побыстрее.

Если Риту заставлять все время двигаться, ей не будет грозить помешательство.

Джулия прошла мимо папоротников и деревьев в кадучках и села за столик напротив Рамзеса. Он взглянул на нее и показал на картинку, изображавшую Гибсоновскую девушку³. Джулия кивнула.

– Америка, – сказала она.

– Соединенные Штаты, – отозвался Рамзес.

– Да, – удивленно подтвердила Джулия.

Он молниеносно расправился с колбасой, отломил огромный кусок хлеба и съел его в два приема, одновременно переворачивая страницы левой рукой. На глаза ему попалось изображение мужчины на велосипеде. Рамзес громко расхохотался.

– Велосипед, – пояснила Джулия.

– Да! – сказал он, в точности копируя ее интонацию. Потом произнес что-то на латыни.

Надо вывести его на улицу, показать ему все-все.

Внезапно зазвонил телефон – резкий звонок раздался на письменном столе отца, в египетском зале. Рамзес тут же вскочил и пошел следом за Джулией. Он стоял рядом и все то время, что она разговаривала, смотрел на нее.

– Алло? Да, это Джулия Стратфорд. – Она прикрыла рукой трубку. – Телефон, – прошептала она. – Говорящая машина. – Джулия отставила трубку в сторону – так, чтобы Рамзес мог слушать голос, доносившийся с другого конца провода.

Звонили из клуба Генри. Сейчас приедут за его чемоданом. Не могла бы она подготовить его?

– Все уже собрано. Вам понадобятся двое мужчин, мне так кажется. Пожалуйста, поторопитесь. – Джулия взяла провод и показала его Рамзесу. – Голоса проходят по проводу, – шепотом пояснила она, повесила трубку и осмотрелась. Затем, взяв Рамзеса за руку, повела обратно в оранжерею и показала на протянутый снаружи провод, который тянулся от дома к телеграфному столбу в конце сада. Рамзес с любопытством разглядывал провод. Джулия взяла со стола пустой стакан и подошла к стене, разделявшей дальний конец оранжереи и кухню. Приложила к стене стакан доньшком наружу, прижалась к доньшку ухом и прислушалась. Были отчетливо слышны звуки шагов расхаживающей по кухне Риты. Джулия пригласила Рамзеса послушать, и он тоже услышал, как усиливается звук, задумался, а потом с изумлением и восторгом взглянул на нее.

³ Образ идеальной американки 90-х гг. XIX в., созданный в рисунках нью-йоркского художника-иллюстратора Чарльза Гибсона (1857–1944): полногрудая девушка с тонкой талией и пышной прической. – *Прим. ред.*

– Телефонный провод передает звук, – пояснила Джулия. – Это изобретение механики. Вот что она должна сделать: показать ему машины! Объяснить, какой шаг вперед был сделан человечеством благодаря машинам, как изменился образ жизни.

– Передает звук, – задумчиво повторил он. Подошел к столику и взял журнал, который только что читал. Жестом попросил Джулию почитать вслух.

Она в хорошем темпе прочла абзац из хроники жизни страны. Слишком много терминологии, но, похоже, он просто вслушивался в ее произношение. Рамзес нетерпеливо выхватил у нее журнал и сказал:

– Благодарю.

– Отлично, – ответила она. – Ты учишься с поразительной скоростью.

Тогда он начал забавно жестикулировать. Дотронулся до виска и до лба – словно хотел сказать что-то о мозгах. Потом коснулся волос и кожи. Что он пытался сказать? Что его мыслительный орган так же быстро подпитывается от солнечного света, как волосы и тело?

Он повернулся к столику.

– Колбаса, – произнес он. – Говядина. Жареный цыпленок. Пиво. Молоко. Вино. Вилка. Нож. Салфетка. Пиво. Еще пива.

– Хорошо, – сказала Джулия. – Рита, принеси ему еще пива. Он любит пиво. – Она подняла полу своего пеньюара. – Кружево, – сказала она – Шелк.

Он забавно зажужжал, как пчела.

– Пчелы, – сказала она. – Верно. О, ты невероятно сообразителен.

Он рассмеялся.

– Повтори, – попросил Рамзес.

– Невероятно сообразителен. – Джулия постучала себе по макушке – тук, тук, тук: мозг, мысль.

Он кивнул. Посмотрел на ножик с серебряной рукояткой, лежавший на столике. Поднял его, взглянул на Джулию, словно спрашивая разрешения, и засунул его в карман. Потом, пригласив ее жестом следовать за ним, отправился в египетский зал. Он подошел к старой потускневшей карте мира, висевшей под пыльным стеклом в тяжелой раме, и нашел Англию.

– Да, Англия, Британия, – подтвердила Джулия. Указала на Америку. – Соединенные Штаты, – пояснила она. Потом показала все континенты и океаны. Нашла Египет и крошечную полоску Нила. – Рамзес, царь Египта, – сказала она. И указала на него.

Рамзес кивнул. Ему явно хотелось узнать что-то еще. Наконец он осторожно спросил:

– Двадцатое столетие? А что значит «до Рождества Христова»?

На минуту Джулия потеряла дар речи. Ну конечно же, ведь он проспал рождение Христа! Разумеется, он не мог даже высчитать, сколько времени длился его сон. Ее смутило, что он был самым настоящим язычником, и Джулия испугалась, что теперь, когда она ответит на его вопрос, он запаникует.

Римские цифры. Где же эта книга? Джулия сняла с полки «Жизнеописания» Плутарха и нашла дату публикации, написанную римскими цифрами. Так, всего на три года раньше, отлично.

Взяв с отцовского стола лист чистой бумаги и ручку, она поспешно написала правильную дату. Но как объяснить ему появление новой системы летосчисления? Что взять за точку отсчета?

Жизнь Клеопатры? Нет, по понятным причинам ее имя не следовало упоминать. И тогда Джулии в голову пришел очень простой пример.

Она написала печатными буквами имя Октавиана Цезаря. Рамзес кивнул. Под этим именем она написала римскую цифру. Потом начертила длинную горизонтальную линию, доведя ее до правого края листка, написала имя Джулия, а под ним поставила римскими цифрами обозначение текущего года. А рядом латинское слово: *annus*.

Рамзес побледнел. Долго смотрел на бумагу. Потом лицо его снова окрасилось румянцем. Он, несомненно, понял ее. Помрачнел, задумался. Казалось, он не столько шокирован, сколько погружен в размышления. Джулия написала слово «столетие», а рядом римскими цифрами число 100 и слово «год». Рамзес нетерпеливо кивнул: да, да, понял.

Скрестив руки на груди, он начал расхаживать по комнате, и Джулии только оставалось гадать, о чем же он думает.

– Очень давно, – прошептала она – *Tempus... tempus fugit!* – И вдруг смутилась. Время летит? Только эту фразу она смогла вспомнить из латыни. Рамзес улыбнулся. Была ли эта фраза крылатой тысячу лет назад?

Он подошел к столу, склонился над ним, взял ручку и аккуратно нарисовал египетскую закорючку, которая обозначала иероглифы его имени: Рамзес Великий. Потом начертил длинную горизонтальную линию до края страницы, где вырисовал имя «Клеопатра». В середине черты написал римскую цифру М, означающую число 1000, а рядом то же число арабскими цифрами, которым Джулия научила его час назад.

Он дал ей минуту на прочтение, потом под своим именем написал арабскими цифрами 3000.

– Рамзесу три тысячи лет, – сказала она, указывая на него, – и Рамзес это знает.

Он снова кивнул и улыбнулся. Что выражало его лицо? Печаль или просто задумчивость? В глазах застыло страдание. Улыбка по-прежнему не сходила с его губ, но под глазами залегли тени. Царь осмотрел комнату – так, словно видел ее впервые. Он посмотрел на потолок, на пол и, наконец, на бюст Клеопатры. Его глаза были все так же широко открыты, улыбка оставалась мягкой и добродушной, но что-то в его лице изменилось, что-то ушло. Энергия! Исчезло выражение силы.

Он снова взглянул на Джулию, и в глазах его блеснули слезы. Ей было невыносимо видеть это, и она взяла Рамзеса за руку. Пальцы его ответили легким пожатием.

– Очень много лет, Джулия, – сказал он. – Очень много лет. Я очень долго не видел мир. Я ясно выражаюсь?

– О да, конечно, – ответила она.

Рамзес смотрел на нее и шептал – медленно и как-то отчужденно:

– Очень много лет, Джулия.

А потом его улыбка стала шире. И плечи задрожали. Она поняла, что он смеется.

– Две тысячи лет, Джулия.

Он засмеялся в полный голос. К нему вернулись и жизнерадостность, и прежнее жгучее любопытство. Взгляд опять надолго задержался на изображении Клеопатры, потом Рамзес посмотрел на Джулию, и она увидела, что любопытство и оптимизм одержали верх над печалью. Да, энергия и сила опять наполняли его.

Джулии захотелось поцеловать его. Захотелось так сильно, что она сама удивилась. И причиной этого желания была не только красота его черт, но звучный чувственный голос, и страдание в глазах, и обаяние улыбки, и то, как ласково и заботливо он погладил ее по голове. По спине у Джулии побежали мурашки.

– Рамзес бессмертен, – сказала она. – У Рамзеса *vitam eternam*.

Вежливым смешком он показал, что понял ее слова. Кивнул.

– Да, – произнес он. – *Vitam eternam*.

Неужели она уже влюбилась в этого человека? Или все происходящее настолько фантастично и захватывающе, что у нее отшибло мозги и она потеряла способность размышлять? Неужели она забыла о Генри, о том, что тот убил ее отца?

Генри подождет. Справедливость будет восстановлена. Ведь не может же она убить его своими руками. Самым главным сейчас был этот человек, стоящий рядом с ней. День отмщения все равно когда-то придет. Бог накажет Генри, Генри сам упорно движется к гибели.

Джулия стояла, глядя в волшебные голубые глаза, ощущая тепло обнимавших ее рук, погруженная в чудо этого явления из прошлого.

С улицы донесся дикий рев – так режут автомобильные моторы. Рамзес тоже, без сомнения, услышал это и, медленно, словно нехотя, отвернувшись от нее, посмотрел в окно. Мягко сжал ее плечо и повел в переднюю часть дома.

Настоящий джентльмен – вежлив, предупредителен.

Сквозь кружевную занавеску он выглянул на улицу. Захватывающее зрелище: на мостовой заводился итальянский «родстер» с открытым верхом, с двумя молодыми людьми на переднем сиденье. Оба махали руками юной леди, идущей по тротуару. Водитель нажимал на клаксон, который отвратительно визжал. Жаль. Не самое приятное начало. Но Рамзес продолжал смотреть на гроыхающий, фыркающий «родстер» без страха и с любопытством. Когда машина медленно тронулась, а потом помчалась по улице, любопытство на лице царя сменилось изумлением.

– Автомобиль, – сказала Джулия. – Он работает на бензине. Это машина. Изобретение.

– Автомобиль! – Рамзес тут же двинулся к входной двери и открыл ее.

– Нет, сначала нужно одеться как следует, – возразила Джулия. – Одежда, proper vestments.

– Рубашка, галстук, брюки, ботинки, – проговорил Рамзес.

Джулия засмеялась.

Рамзес жестом попросил ее подождать. Она видела, как он направился в египетский зал и осмотрел алебастровые кувшины. Выбрал один из них, повернул, приоткрыл спрятанную в доньшке маленькую тайную копилку и достал из нее несколько золотых монет. Монеты он принес Джулии.

– Одежда, – сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.